

ТРОН ЗНАНИЯ

Книга 2

Такаббир

16+

Такаббир Кебади
Трон Знания. Книга 2

«Автор»

2016

Кебади Т. Э.

Трон Знания. Книга 2 / Т. Э. Кебади — «Автор», 2016

Продолжение истории о престолонаследнике великой державы, которому отец подарил нищую колонию, желая разбудить в сыне правителя.

© Кебади Т. Э., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Такаббир Кебади

Трон Знания. Книга 2

Моим дочерям посвящается

Часть первая

~ 1 ~

В старинном замке, стоящем посреди полусонной пустоши, ещё не стихло оживление. Новоявленные государственные мужи прохаживались по залу, потягивая вино из хрустальных бокалов. Ветер вносил в окна запах остывающего сада, скользил по довольным лицам, подхватывал обрывки фраз и без сожаления терял их в коридорах.

Сидя за круглым столом, Малика взирала в пустоту. Она – старший советник... Это сон, розыгрыш, спектакль – всё что угодно, но только не явь. Посмотрела на маркиза Бархата. Вилар разговаривал с Анатаном и Криксом, такими же, как она, простолюдинами. Командир стражей Крикс держался молодцом: стоял как на параде, гордо расправив плечи и вздёрнув подбородок. Чего нельзя было сказать об Анатане: распорядитель приисков Бездольного Узла трясся, словно выбежал на лютый мороз голышом.

Малика покосилась на пустующее кресло из чёрного дерева с резной спинкой и подлокотниками из слоновой кости. Назначив советников, Адэр объявил, что первое заседание состоится через пять дней, и покинул зал.

Возле окна в гордом одиночестве возвышался маркиз Орэс Лаел – красивый мужчина с волнистыми волосами цвета конского каштана и умным широким лбом. Малика отвернулась: мериться взглядами с озлобленным дворянином не было сил. Ей стало понятно, отчего у Лаела резко испортилось настроение: он метил в кресло, в котором она сидит.

Малика поднялась и вышла из зала. Проществовала через холл мимо охранителей и стражей, заставляя себя смотреть вперёд, а не под ноги. Войдя в хозяйственное крыло замка, не выдержала, полетела в смятении по коридору, сталкиваясь с изумлённой прислугой. Уже знают. Быстро же... Возле своей комнаты остановилась. Сердце подсказало: там Мун – любимый и любящий старик, заменивший ей мать и отца. Малика глубоко вздохнула и перешагнула порог – неторопливо, легко, будто вернулась с прогулки по саду.

– Это правда? – спросил Мун и осёкся, глядя поверх её плеча.

– Мун, – прозвучал голос Вилара. – Оставь нас.

Старик ссутулился. Прощмыгнул мимо маркиза и закрыл за собой дверь.

Малика упала на стул:

– Вы знали?

– Нет, – ответил Вилар.

– Что он задумал?

– Решения правителя не обсуждаются.

– Я не хочу быть старшим советником. Я вообще никем не хочу быть.

– Правителя меньше всего интересуют наши желания.

Малика стиснула кулаки.

– Научись держать себя в руках, – произнёс Вилар.

– А что, по-вашему, я сейчас делаю?

– Успокойся. Ничего ужасного не произошло.

Слова Вилара вызвали нервную усмешку.

– Не произошло? «Взята из грязи, посажена в князи» – вот что обо мне скажут, маркиз Бархат.

Он наполнил стакан водой и протянул Малике:

– Тебя должно волновать только мнение правителя. И зови меня Вилар.

– Ладно. Если вам так хочется, пусть будет Вилар. – Малика сделала несколько торопливых глотков. – Я ничего не умею делать. Зачем он так со мной?

Вилар осмотрел скромную обстановку комнаты, остановил взгляд на тумбочке:

– Дневник ведёшь?

– Что?

– Записываешь какие-то мысли?

– От случая к случаю.

– Уничтожь.

– Вы шутите?

– Нет. – Голос Вилара утратил бархатистость. – Урок первый: у старшего советника не должно быть личных записей, чтобы никто – слышишь? – никто не смог использовать их против тебя или против правителя.

– Нет! Вы шутите! В этом замке... кто?

– Затем ты соберёшь свои вещи. Мун перенесёт их в твои апартаменты.

– Куда?!

– Ты поняла? Вещи перенесёт Мун, а не ты.

– Мне страшно.

– И завтра мы с тобой уезжаем в Ларжетай.

– Я никуда не поеду, – произнесла Малика, вмиг охрипнув.

– Я должен подготовить тебя к заседаниям.

– Почему в Ларжетаете? Почему не здесь?

– Выезжаем на рассвете.

Малика прижала ко лбу вспотевший в ладонях стакан:

– Разбудите меня.

– Займись дневниками, – сказал Вилар и ушёл.

Рано утром, когда замок спал крепким сном, Мун проводил Малику до гаража, прошептал понятную только ему молитву и понуро поплёлся обратно. Без тени улыбки водитель маркиза открыл дверцу ярко-красной машины с поцарапанным крылом, подождал, пока Малика расположится в салоне, спрятал её чемодан в багажник и уселся за руль.

Не зная, откуда ждать Вилара – со стороны парадного входа или из флигеля, – Малика рассматривала окна, затянутые предрассветной кисеей, и башенки на крыше, размытые в мутном небе. Время шло, а Вилар не появлялся. Водитель, прежде общительный и острый на язык, не издавал ни звука.

Лучи солнца окрасили стены замка в грязно-жёлтый цвет, позолотили кроны деревьев, расцвели клумбы. На двери флигеля засверкала бронзовая ручка-подкова.

Малика поелозила пальцем по кожаной обивке сиденья:

– Наверное, маркиз Бархат передумал ехать.

– Маркиз у правителя, – откликнулся Зульц и после недолгого молчания добавил: – Мне не сказали, как я должен к вам обращаться.

В его тоне, как и в позе, сквозила настороженность.

– Меня зовут Малика.

– Я помню. Но вы уже не та Малика, с которой я ездил к морю.

– Ничего не изменилось, Зульц, – неуверенно возразила она и тихо вздохнула. – Даже не знаю, сможем ли мы с тобой ещё раз прокатиться к морю.

Водитель посмотрел на неё в зеркало заднего вида и отвёл взгляд:

– Вы стали старшим советником и будете делать всё, что хотите.

– Нет, Зульц. Я стала советником и буду делать то, что хочет правитель.

– Разве не этого вы добивались?

– Добивалась? – опешила Малика. – С чего ты взял?

Зульц поморщился от досады:

– Простите, я сказал глупость.

Малика вцепилась в колени. Так вот что думает о ней прислуга!

Наконец отворилась дверь флигеля, с лестницы сбежал маркиз. Зульц завёл двигатель и направил машину ему навстречу.

Вилар сел рядом с Маликой:

– Как спалось?

– Не спалось.

Вилар выдавил улыбку и закрыл глаза.

Малика смотрела на пустошь, не успевшую накалиться под солнцем, и ничего не видела. В голове металась мысль: болезненные, колкие. Всё, чем она гордилась – честь и гордость, – втоптали в грязь. Если кто-то из служанок узнает об этой поездке, ей уже не отмыться.

Ближе к полудню автомобиль полетел по асфальтированной дороге; вдоль неё тянулись раздольные селения и похожие на игрушечные города усадьбы.

Вилар с интересом глядел по сторонам:

– В прошлый раз я добирался до столицы другим путём. А тут такая дорога!

– Я подумал, что вам надоело глотать пыль, и сделал небольшой крюк, – отозвался Зульц. – Если поехать в обратном направлении, упрёмся в Тезар.

Вдали показался Ларжетай. С холма, по которому катила машина, столица была видна как на ладони: большая, широко раскинутая, утопающая в зелени. Над белокаменными домами возвышались особняки и замки. К небу тянулись колокольни, башни и купола храмов. Справа, сквозь знойную дымку просматривались волнообразные очертания гор.

Вилар высадил Малику возле её гостиницы и, ничего не объяснив, уехал с Зульцем. Она пробежалась взглядом по новым окнам и гладким стенам, ожидающим покраски. Поднялась по отреставрированной лестнице к каменным собакам и вошла в здание.

Осмотр коридоров и комнат отвлек от безрадостных мыслей. За Маликой неотступно следовал начальник строительной конторы – поджарый, как скаковая лошадь, человек в промасленной спецовке. Строительные рабочие здоровались с хозяйкой и вновь принимались шоркать, стучать и греметь.

– Таали! Правитель поручил мне важное дело, – сказала Малика. – Я не смогу совмещать его с гостиницей.

– Теперь понятно, почему вас долго не было. – Начальник с сокрушённым видом покачал головой. – Похоже, мои ребята остались без работы. Пойду скажу им, чтобы собирали инструменты.

– Ни в коем случае! Вы должны закончить ремонт. И очень быстро.

– Как же без вас?

– Я назначаю тебя распорядителем.

Таали почесал ребро мозолистой ладони:

– Распорядителем?

– Да, Таали. Ты человек серьёзный, ответственный, и сделаешь всё как надо.

Таали густо покраснел:

– Благодарю за доверие.

– Теперь идём в банк. Паспорт с собой?

– Да, обязательно, – кивнул Таали. – Здесь, в подсобке.

Возле знакомого здания с помпезной вывеской стояла машина Вилара. Зульц сидел за рулём, читал газету и, казалось, ничего вокруг не замечал. Малика подтолкнула Таали к двери, услужливо открытой охранником.

В операционном зале произошли перемены. Возле входа появились два флага: зелёный с бурым медведем (Тезара) и синий с кипенной чайкой (Порубежья). На круглом столе в центре помещения возвышался гигантский глобус, и на вошедшего в банк человека смотрели две страны – солидных размеров пятно на севере и клякса на юге, – разделённые тонкой границей. Мебели (впрочем, как и служащих) заметно поубавилось, и на освободившихся местах стояли горшки с цветами и декоративные кадки с деревьями. На стенах висели исключительно спокойные, светлые морские пейзажи.

Вилар сидел за столом Зарина. Клерк уже не выглядел перепуганным и несчастным, каким был во время их последней встречи. Дешёвые брюки и пиджак цвета полыни он сменил на добротный чёрный костюм, в галстук поблёскивал серебряный зажим, в запонках переливались камешки.

При виде Малики Зарин встал и учтиво поклонился.

– Госпожа Латаль, добрый день, – прозвучал на весь зал чей-то елейный голос.

Малика оглянулась.

Старший служащий вышел из-за конторки:

– Рад видеть вас в полном здравии.

– Добрый день, – ответила она. – Вы вновь ошиблись. Я аспожа. Ведь именно так обращаются к женщинам из низшего сословия.

Зарин придвинул к столу ещё один стул:

– Прошу вас, аспожа Латаль.

– Дела привели? – спросил Вилар, когда Малика опустилась на краешек сиденья.

– А вас?

Вилар наклонился к ней:

– Урок второй: никогда не отвечай вопросом на вопрос. – Перелистал лежащие перед ним документы и, не отрывая взгляда от последней страницы, проговорил: – Покупаю машину.

– Вы клиент этого банка?

– Нет. Но Зарин с пониманием отнёсся к моей просьбе.

– Надеюсь, и к моей просьбе отнесётся с пониманием. – Малика подозвала Таали, замершего в нескольких шагах от стола, и обратилась к клерку: – Я хочу, чтобы вы принимали счета с подписью этого человека. Вашими правилами это предусмотрено?

– Конечно, – кивнул Зарин и перевёл взгляд на Таали. – Ваш паспорт.

Пока клерк заполнял бланки, Вилар взял со стола телефонный аппарат и отошёл в сторону, насколько позволила длина шнура. Малика не слышала, с кем и о чём он говорит, но по тому, как просветлело его лицо, засияли глаза, а на губах заиграла искренняя улыбка, было понятно, что маркиз разговаривает с очень близким человеком.

Выйдя из банка, Вилар вручил водителю папку с документами:

– Заберёшь машину из салона и отправляйся в замок.

– На новой? – пробормотал Зульц.

Вилар развернул его лицом к перекрёстку:

– Ступай! – И легонько толкнул в спину. Посмотрел на Таали. – И ты иди.

Оглядываясь и спотыкаясь, Таали побежал к пешеходному переходу.

Усадив Малику в автомобиль, Вилар проехал по извилистой улочке и затормозил напротив знакомого магазина одежды:

– Урок третий: старший советник должен выглядеть как старший советник.

Просторный зал встретил ароматом духов. Овальные зеркала на стенах ловили отражение Малики и Вилара и передавали друг другу. Всё выглядело так же, как в прошлый раз, за

небольшим исключением – теперь под потолком висело жёлтое стеклянное солнце. Промозглыми зимними вечерами водопад мягкого света, льющийся из шарообразной люстры, делает помещение тёплым и уютным.

– Рада вас видеть! – воскликнула хозяйка магазина – худенькая женщина без возраста, одетая в платье цвета раздавленной земляники.

Вилар подошёл к платяной стойке и стал передвигать плечики с нарядами:

– Подберите для госпожи несколько платьев. И не забудьте про обувь.

– Полагаясь на вкус... – начала хозяйка.

– Полагаясь на ваш вкус. Я прошу вас одеть высокопоставленную даму.

Хозяйка свела на переносице брови, пытаясь сообразить, о какой даме идёт речь.

– Поторопитесь. У нас мало времени. – Вилар выдернул из чековой книжки лист. –

Сумму укажете сами.

Перед тем как удалиться, шепнул Малике:

– Выглядеть как старший советник.

Примерка заняла намного больше времени, чем Малика ожидала: там ушить, там укоротить, там убрать воланы. Наконец она вышла из магазина.

– И это всё? – спросил Вилар, складывая коробки с платьями и обувью на заднее сиденье.

– Остальное через неделю. – Малика села в автомобиль и, глядя на витрину, принялась крутить пуговицу на манжете рукава.

Следующим было посещение салона красоты. Малику долго учили пользоваться шпильками, невидимками, гибкими лентами. В какой-то миг захотелось постричься, но, расчесав после очередного эксперимента длинные волосы, она терпеливо дослушала советы мастеров, взяла протянутый ей пакетик с приспособлениями для создания причёсок, выскочила из прохладного зала на жаркую улицу и нырнула в автомобиль. От осознания собственной ничтожности на глаза наворачивались слёзы. Она совершенно не разбирается в моде, у неё нет вкуса и нет желания превращаться в манекен.

В вестибюле гостиницы ждали Таали с сыном. Вложив Малике в руки ключи, распорядитель подхватил коробки с одеждой и скрылся под лестницей. Юноша забрал у маркиза саквояж и побежал вверх по ступеням.

Малика и Вилар поднялись на третий этаж. Широкий коридор с нежно-кремовыми стенами был украшен белоснежной лепкой, выполненной с утончённым изяществом. Под потолком горели лампочки на скрученных проводах. Света было достаточно, чтобы видеть нутро открытых комнат с заклеенными газетами окнами. К запаху штукатурки и краски примешивался древесный аромат.

– Работа идёт к завершению, – заметил Вилар, ступая по паркету из белого дуба.

– Да, этот этаж почти готов, – кивнула Малика.

– Ремонт – только начало. Тебе нужен человек, который будет вести дела в гостинице.

– Таали.

– Он строитель. Когда ты подпишешь акт приёмки работ, он исчезнет вместе со своей бригадой. Тебе придётся перевезти сюда Муна.

– Он меня не бросит.

– В таком случае всё, что ты затеяла, – пустая трата денег, времени и сил.

– Ещё одна причина отказаться от кресла советника, – проговорила Малика и прибавила шаг.

Они вошли в номер, в котором некогда провели вместе несколько дней. Новую мебель, как, впрочем, и остальные предметы интерьера, в гостиницу пока не завезли, и Таали притащил сюда кое-что из старой обстановки: коричневый ковёр; оранжевое кресло; торшер под бордовым абажуром.

Малика заглянула в спальню. Кровать застлана ядовито-зелёным стёганым покрывалом. На фоне филигранного ремонта выдавшее виды убранство гостиничного номера являло собой пик безвкусыя.

Вилар покосился на закрытую дверь второй спальни, посмотрел на завешенное тряпкой окно и спокойно сказал:

– Идём ужинать.

То же кафе, та же обслуга, среди посетителей мелькнули знакомые лица. Атласная обивка стульев и кресел переливалась в свете ламп. На столиках стояли плетёные корзиночки с незабудками. Из окон была видна площадь, окружённая фонарями. По белым каменным плитам катались на велосипедах дети. На другой стороне площади возвышалась гостиница, ожидающая конца ремонта.

Вилар чувствовал себя разбитым, но виду не показывал. Вдыхая запах цветов, неторопливо просматривал меню. Вечером он заскочил к Адэру – хотел предупредить, что уезжает с Маликой в Ларжетай, – а вышел от него на рассвете. Адэр неожиданно увлёкся воспоминаниями о своей жизни, сгоревшей в костре праздности и разгулов. О каких-то случаях рассказывал со смехом, после некоторых признаний долго мерил гостиную шагами, а нечаянные откровения запивал шампанским. Слишком быстрая смена настроения друга не понравилась Вилару. Как бы Адэр не совершил какую-нибудь глупость.

Вилар сделал заказ, отпустил официанта и повернулся к Малике. Она была одета в строгое платье стального цвета с глухим воротом и длинными рукавами. Единственным украшением служили серебряные пуговицы на лифе и широких манжетах.

– Отличное платье.

– Я выбрала его для первого заседания Совета, – ответила она, перебирая тонкими пальцами бахрому на скатерти.

– А пришла во второсортное кафе. Кто же так делает?

– Я хотела к нему привыкнуть. Если вам не нравится, я могу переодеться.

– Я же сказал: отличное платье, – резко проговорил Вилар и, спохватившись, сжал Малике пальцы. – Прости.

Она кротко улыбнулась и высвободила руку:

– Почему вы отослали Зульца в замок на новой машине?

– Он ей радуется больше, чем я. Пусть потешит душу.

– А старую куда денете?

– Хотел отдать Анатану, но её забирает Адэр.

– Зачем она ему? – удивилась Малика.

– Приедем, спросишь.

Размышляя обо всём сразу и ни о чём конкретно, Вилар потягивал вино, слушал музыку, смотрел на танцующие пары. За окном быстро смеркалось. Площадь опустела. На чёрных кованых столбах зажглись матовые белые шары. Публика в кафе поредела, официанты заскучали.

Малика переставила корзиночку с цветами с места на место, пригладила скатерть ладонью. Покосилась на бутылку из тёмного стекла, пытаясь разглядеть, сколько в ней осталось вина.

– Вы не хотите идти в гостиницу?

– Не хочу.

– Здесь недалеко есть очень красивое место. Могу показать.

– Вряд ли существует место красивее, чем Смарагд, – ответил Вилар и осушил бокал. –

Но от прогулки не откажусь.

Они шли по городскому парку, в котором не было ни одной аллеи. Фонари щедро дарили свет резным беседкам, оплетённым диким виноградом, фонтанам и махровым полянкам, однако не касались тайных уголков – под раскидистыми деревьями угадывались очертания скамеек и силуэты уединившихся пар. Тишину нарушали ленивый плеск воды, сонный шелест листьев и приглушённые голоса влюблённых.

Покачивая в руке туфли, Малика мягко ступала по траве. Она волновалась – Вилар это чувствовал, – но мимолётными улыбками пыталась убедить его в обратном. Вилар тоже улыбался, хотя душа второй день сотрясалась от каждой мысли, как плохо застывший студень. Причиной визита к Адэру было вовсе не желание сообщить о поездке в Ларжетай. Вилар надеялся услышать ответ на глодавший разум вопрос – пусть не чёткий, хватило бы намёка: почему Адэр так вознёс Малику? Почему старшим советником стала она, а не маркиз Орэс Лаел или маркиз Мави Безбур, или любой другой дворянин? У неё нет ни должного образования, ни опыта, ни малейшего представления о том, как управлять страной. Надежда не оправдалась. Ни ответа, ни намёка из уст Адэра не прозвучало.

Вилар украдкой взглянул на Малику. Сколько пройдёт времени, пока она свыкнется с мыслью, что стала главной фигурой за столом Совета, и на деле станет главной фигурой? А сейчас... Сейчас она привыкает к новому платью и боится запачкать туфли.

Малике страшно, но ему страшнее в десятки, в сотни раз, ибо она робеет перед неизвестностью, а он знает, с чем ей суждено столкнуться.

Занятый размышлениями, Вилар с опозданием заметил, что фонари остались позади и дорогу освещает молочно-белая луна. Потянуло влажной прохладой. Послышалась ленивая перекличка лягушек.

Малика и Вилар шли между плакучими ивами, вяло раздвигая тонкие ветви руками, как пловцы, сохраняющие силы для решающего рывка. Вдруг Малика остановилась. Будто её тень остановился Вилар. Перед ним лежало круглое, как блюдо, зеркало; в нём застыло отражение луны и звёзд. Необычайное зрелище: вокруг темень, а у ног распласталось небо.

Вилар притронулся носком ботинка к зеркальной поверхности, по ней побежала рябь, заставив звёзды заискриться. Озеро...

– Удивительное место!

– Вам правда нравится? – спросила Малика; чёрные глаза мерцали, как звёзды на водной глади. – Я читала, что в Лайдаре тоже есть такое озеро, только больше и красивее. Как бы я хотела на него посмотреть!

– Посмотришь. Тебе предстоит много чего увидеть.

– Древняя столица находится в резервации ветонов. Туда я вряд ли поеду.

– Поедешь. Ты старший советник, и это твоя страна.

Малика улыбнулась. Чувства, которые Вилар целый день топил в мучительных думах, вырвались на волю.

– Малика... Я не знаю, с чего начать.

– Вы любите меня.

Вилар заложил руки за спину, сжал кулаки:

– Очень!

Малика направила взгляд на озеро.

– Не молчи! – взмолился Вилар.

– В Смарагде я причинила вам боль.

Он криво усмехнулся:

– Стоит ли об этом?

– Вилар! Я должна вам признаться. Я моруна.

– Я догадывался.

– Моруна всю жизнь любит одного мужчину. Я не смогу ответить вам взаимностью.

– Ты в кого-то влюблена?

– Моруна любит мужчину, который всю жизнь верен только одной любви. Такого мужчину, как она сама.

– А я не однолюб. И всего-то? – Вилар рассмеялся, а сердце наперекор рассудку сжалось в комок. – Ты до сих пор веришь в сказки. Пора повзрослеть.

– Это не сказка.

Он притянул Малику к груди:

– Пока у тебя никто не появился, разреши мне быть рядом с тобой.

– Вы обещали не прикасаться ко мне.

– Я пообещал сгоряча. Не подумав.

– Уже поздно, – сказала Малика и высвободилась из объятий.

Вестибюль гостиницы был скудно освещён стоящей на конторке лампой. Закрытые окна не пропускали с улицы ни звука. С кушетки поднялся заспанный Таали и, откланявшись, отправился домой.

– Моя комната находится на первом этаже, – сказала Малика.

– Я догадался, – проговорил Вилар и двинулся к лестнице.

Одинокие шаги раздавались лениво и тупо, как шаги путника, утомлённого длинной и тяжёлой дорогой.

– Спокойной ночи, мой господин.

Вилар обернулся:

– Я не твой господин, а ты не моя служанка. Теперь мы соратники. Если тебе противно называть меня по имени, обращайся ко мне «маркиз».

Лицо Малики вытянулось.

– Зачем вы так?

Вилар провёл рукой по глазам. Казалось, что кто-то бросил в них щепотку песка.

– Прости, Малика. Иди, отдыхай. На рассвете выезжаем. – И двинулся вверх по ступеням.

– Вилар!

– Что ещё, Малика?

– А как я должна обращаться к другим советникам?

Вилар схватился за перила. Внезапная догадка пронзила всё его существо. Адэр несколько раз говорил, что формирует технический Совет. Это означает лишь одно: все ошибки он спишет на советников. И главным козлом отпущения станет Малика.

– Я передумал. Мы никуда завтра не едем.

– Я не успею подготовиться, – пробормотала она заикаясь. – Я должна что-то... должна что-то говорить на собрании.

– Идём. – Вилар взмахнул рукой и взлетел по лестнице.

Малика догнала его в конце коридора:

– Что вы задумали?

Он толкнул дверь:

– Заходи. – Включил свет и указал на кресло. – Садись.

– Вы ужасно выглядите. Вам надо выспаться.

– Садись! Я расскажу тебе о старшем советнике Великого – Трое Дадье.

– Это не может подождать до утра?

– В Тезаре, перед тем как поступить на службу в высший корпус власти, государственный чиновник три года посещает заседания Совета в качестве слушателя. У тебя всего трое суток. Давай не будем терять время.

Малика нехотя опустилась в кресло. С недовольным видом расправила на коленях платье:

– Вы переоцениваете мои способности. Я не выучу за три дня то, чему люди учатся три года.

Вилар еле сдержал нервный хохот. Три года... Надеюсь стать советником Великого, он учился всю жизнь. Но даже багаж знаний не давал ему никаких гарантий.

- Ты когда-нибудь была в театре?
- В замок как-то приезжала труппа.
- В настоящем театре.
- Нет.

Вилар принёс из спальни стул и сел напротив Малики:

– В большинстве театров есть суфлёрская будка. Она находится на краю сцены. В ней сидит человек, который нащёптывает актёрам слова их роли. Трой Дадье не суфлёр. Но, как суфлёр, он знает, какая роль отведена каждому советнику. Он знает, кто и что должен сказать. Он знает, как должна закончиться пьеса под названием «Заседание Совета». Король Тезара не стал бы Великим, если бы рядом с ним не было Троя Дадье.

~ 2 ~

Тишину гостиной нарушал стук напольных часов и щебет птиц за окном. Адэр лежал на софе и, заложив руки за голову, смотрел в потолок. Наступил день, который радовал и в то же время страшил. Пачки документов наконец-то переключают из его кабинета в кабинеты советников. На рабочем столе займут место сводные таблицы и сжатые отчёты, и появится время не только на их изучение, но и на раздумья. Останется самое тяжёлое: научиться доверять своим ставленникам.

Адэр не доверял друзьям: у них была причина для дружбы – он будущий властитель полмира. Не доверял Великому: интересы Тезара отец ставил выше интересов сына. Адэр не доверял себе: крайне сложно доверять человеку, который бродит в темноте и не знает, куда идёт. Но если к советам избранников относиться с вьёвшимся в разум подозрением, он так и будет блуждать во мгле.

Адэр поднялся, завязал галстук, надел пиджак:

- Гюст!
- В гостиную заглянул секретарь.
- Советники в сборе?

Гюст посмотрел через плечо, будто зал Совета находился за его спиной.

– Нет маркиза Бархата и госпожи Латаль.
– Госпожи, – сквозь зубы процедил Адэр. – У моих советников нет титулов и происхождения, есть только должность.

– Прошу прощения, мой правитель, – сказал секретарь с довольной улыбкой и не замедлил объяснить свою радость: – Я не знал, как назвать старшего советника. Простолюдинка – неприлично. Госпожа – еле язык повернулся.

Адэр приблизился к колонне из аспидного камня. Скользнул взглядом по выточенным фигуркам девушек. Все носили имена его любвеобильных пассий. Все, кроме фигурки под самым потолком: на ней имена закончились. Адэр окрестил её Маликой, надеясь, что скоро появится предмет страсти и утех, который вытеснит плебейку из галереи желанных образов.

– Если опоздаешь, пеняй на себя. Второго шанса не дам, – прошептал Адэр и покинул апартаменты.

Он шёл по коридору, борясь с желанием идти медленнее и дать возможность Вилару и Малике опередить его. Но гордость не позволяла умерить шаг. Подойдя к закрытым лакированным дверям, невольно прислушался, надеясь уловить голос друга. Зал Совета ответил тягучей тишиной.

Охранители распахнули двери, Гюст объявил правителя, и Адэр переступил порог. Вокруг стола стояли шестнадцать советников. Взгляд упёрся в осунувшееся лицо Вилара, пере-

кочевал на Малику. Смоляные пряди, перевитые серебряной нитью, спадали на плечи, обтянутые стальной тканью; серебряные пуговицы на лифе платья были неподвижны, словно обладательница наряда не дышала.

Ну, Вилар... Ну, сукин сын! За пять дней вылепил из плебейки даму!

Адэр обогнул круглый стол, остановился возле кресла из чёрного дерева:

– Объявляю первое заседание Совета открытым. – Опустился на сиденье и разрешил советникам занять свои места.

Секретарь прошмыгнул к бюро в углу зала, зашелестел листами.

– Ещё раз примите мои поздравления, господа, – произнёс Адэр. – Должен вам напомнить, что Совет Порубежья станет легитимным только с принятием первого решения.

Главный страж общественной безопасности и порядка Крикс Силар, несмотря на низкое происхождение, встретил взгляд Адэра с невозмутимым спокойствием.

Ещё один выходец из простого люда Анатан Гравель, специалист по драгоценным камням, казалось, хотел спрятаться под стол. Недавно он лихо командовал озлобленными рабочими приисков Бездольного Узла, но воспитанные и образованные люди, похоже, вызывали у него тревогу.

Рядом с Анатаном сидел седой как лунь человек с гладким лицом без единой морщинки – главный финансист Порубежья маркиз Мави Безбур. Кресло слева занимал советник по международным вопросам маркиз Орэс Лаел. Тот самый Орэс, который метил в кресло Малики.

Маркиз Ярис Ларе – светило медицины – пристально рассматривал Адэра сквозь очки в золотой оправе. Поборник законности и справедливости граф Юстин Ассиз – брови вразлёт, выпуклые губы, подбородок с ямочкой – поглаживал пальцами кожаный переплёт блокнота.

Этих мужей Адэр знал, кого-то чуть больше, кого-то чуть меньше. Остальные восемь советников были для него тёмными лошадками.

– Прошу слова, мой правитель.

Адэр кивнул:

– Слушаем вас, советник Лаел.

Орэс поднялся:

– Почти сто лет назад Зерван Грасс, последний король Порубежья, бросил страну на произвол судьбы.

– Советник Лаел, – произнесла Малика. – Во-первых, Зерван был королём Грасс-Дэмора, а не Порубежья. Во-вторых, наш правитель знаком с историей страны. Не надо тратить время на её повторение.

Адэр не ожидал, что простолюдинка начнёт придирается к словам титулованного дворянина, и старался не смотреть на Малику.

Орэс нахмурился:

– Я только хотел отметить, что до колонизации Порубежья Тезаром проблемами страны никто всерьёз не занимался.

– И чем, по-вашему, Тезар помог Порубежью? – спросила Малика.

Адэр хватался взглядом за рубин на обручальном кольце Орэса и не знал, как себя вести. Осекать Малику не хотелось, но и поддерживать желания не было.

Орэс с театральной улыбкой взмахнул рукой; рубин сверкнул, как капля крови на солнце.

– Заслуги Тезара очевидны.

– Назовите хоть одну, – вступил в разговор Юстин Ассиз.

– Ну как же? Тезар прекратил междоусобицу в Порубежье.

Юстин облокотился на стол, прижал палец к ямке на подбородке:

– Он мог прекратить её сто лет назад. Король Зерван Грасс сбежал. Его внучатого племянника убили. Началось преследование хозяек земель.

– Зачем ворошить тёмное прошлое? – перебил Орэс.

- Тезар мог направить в Грасс-Дэмор миротворческую армию, но этого не сделал!
- Возможно, на то были причины.

– Возможно, наверное, может быть, – подала голос Малика. – Предлагаю в зале Совета обходиться без этих слов.

Адэр внутренне сжался. Малика не осознаёт, что, устанавливая на первом же заседании свои правила, она ступает на шаткий мостик. Если советники её не поддержат, ей придётся отступить, притом сзади не будет твёрдой почвы. За этим последуют новые отступления.

Орэс порывисто провёл ладонью по волнистым волосам:

- Не вижу причин.

– Поддерживаю старшего советника, – откликнулся главный финансист. – Предлагаю также не использовать слово «примерно».

Орэс выдавил улыбку:

- Это уж как получится, советник Безбур.

– Я тоже поддерживаю Малику, – заикаясь сказал Анатан и торопливо добавил: – Простите. Советника Латаль.

- И я поддерживаю, – отозвался Крикс.

Орэс изогнул бровь, как бы говоря своим видом: «Кто бы сомневался? Плебеи всегда будут стоять на защите плебея».

- Поддерживаю, – выдавил из себя Адэр.

Орэс стёр с выразительных губ ухмылку:

– Я могу продолжать, мой правитель? – Получив разрешение, произнёс: – Если уж затронули вопрос о чистоте речи за столом Совета, предлагаю в первую очередь очистить речь соотечественников от суржика.

Советник по национальным вопросам – сухощавый мужчина со скуластым лицом – сузил раскосые глаза:

- Вы называете суржиком языки народов нашей страны?

– Двадцать лет назад Великий узаконил в Порубежье слот— единый язык Краеугольных Земель. Советник Исаноха, вам ли этого не знать?

– Это искусственный язык. Он не является духовным наследием, а следовательно, не может быть основным языком.

- Над его созданием работали представители всех национальностей.

– Всех, кроме Порубежья, – не унимался Исаноха. – В нём нет ни одного слова нашего коренного населения.

– Благодаря слоту любой человек чувствует себя комфортно в сорока трёх странах Краеугольных Земель. Мы можем стать сорок четвёртой, – чеканил Орэс. – И если мы хотим развивать торговлю и поднимать экономику, то должны изжить сорные наречия.

- Для этого придётся запретить народам спать, – сказала Малика.

- В смысле?

- Люди видят сны на родном языке.

- Через два поколения они его забудут.

Малика вцепилась в подлокотники кресла:

- Вам придётся уничтожить эти народы, потому что родной язык они никогда не забудут!

Орэс заложил руки за спину, развернул плечи:

- Советник Латаль, позвольте спросить. На каком языке ваши сны?

Тишина оглушила. Исаноха побарабанил пальцами по столу, будто хотел удостовериться, что со слухом у него всё в порядке. И вдруг полился голос Малики. Переливчатые звуки сплетались в слова, перетекали в певучие фразы и разлетались мелодичным эхом. Создавалось впечатление, что с небольшим запозданием позвякивали льдинки хрустальной люстры.

– Я рассказала свой сон, советник Лаел, – произнесла Малика. – Я моруна. Я – начало. Именно так переводится название моего народа.

– Мне говорили, что вы почти с рождения живёте в этом замке.

– Вас не обманули, советник Лаел.

– Откуда вы знаете язык морунов?

– Он передаётся по наследству. Языки всех древних народов передаются по наследству. Вы этого не знали?

– Но это не мешает вам безупречно говорить на слоте, – заметил Лаел. – В противном случае вы бы не сидели за этим столом.

Малика вскинула голову:

– Посмотрите в окно, советник Лаел. Сверху охватите взором тысячи миль. Это Дэмор – земли морунов. Это с нашего позволения здесь поселились климы, ветоны, ориенти и другие народы. Это мы разрешили династии Грассов увековечить своё имя в названии страны – Грасс-Дэмор. А когда Зерван исчез, те, кого мы пригнали, уничтожили историю и вынудили моих сестёр скрыться за долиной Печали. Поставьте памятник тем людям, кто это сделал, советник Лаел. Если бы не они, вы бы не сидели за этим столом.

Орэс вытянул руки по швам:

– Мой правитель, я предлагаю провести языковую реформу и присвоить слоту статус единственного государственного языка.

– Мой правитель! – воскликнул Исаноха. – В Порубежье проживает семнадцать национальностей. Реформа разорвёт страну на семнадцать частей.

– Реформа объединит её! – упорствовал Орэс, сверкая глазами.

Вопрос, поднятый Лаелом, поставил Адэра в тупик. Он думал, что советники будут просить денег на строительство дорог и больниц, на покупку учебников, на реконструкцию приисков, на формирование армии...

– У вас всё, советник Лаел? – спросил Адэр.

– Нет.

Похоже, перебранка советников только набирает обороты...

– Продолжайте.

– Я предлагаю провести религиозную реформу.

– Бог мой, – выдохнул молодой человек с нескладно скроенной, как у подростка, фигурой. – А это ещё зачем?

– Советник Джиано! Всем известно, что власть монарха зиждется на двух столпах: престол и религия. В этом кроется величие Тезара и Ракшады. Предлагаю превратить олард в государственную религию, то есть придать ей статус государственной идеологии.

– Вы хотите загнать всех верующих в один храм? – пробормотал Джиано; его глаза потускнели, будто погас внутренний свет.

– Пока в Порубежье будет разброд с языками и верой, мы не сможем возродить патриотизм.

Малика всем телом развернулась к Лаелу:

– Мы ещё ничего не сделали для народа, чтобы он гордился своей отчиной.

– Я предлагаю...

– Вы предлагаете забрать у него последнее: веру и родной язык.

Орэс развёл руками:

– В таком случае у меня всё. – И сел в кресло с видом победителя, оскорблённого непочтением.

Джиано кивнул Малике и опустил голову, пытаясь скрыть довольную улыбку.

– Заседание Совета переносу на завтра, – сказал Адэр и покинул зал.

Вокруг стола сновала прислуга. По гостиной разливался запах жареного мяса и специй. Развалившись в кресле, Адэр перелистывал книгу в потрёпанной обложке.

В комнату вошёл Вилар. Зная привычку правителя трапезничать без свидетелей, слуги удалились в коридор и выстроились вдоль стены в ожидании вызова.

Адэр перевернул замусоленную страницу:

– Заставляешь себя ждать, маркиз Бархат.

– Прости. Твоё приглашение я получил, лёжа в ванне. – Вилар наполнил бокал вином. – Неважно выглядишь.

– Голова разболелась.

Улыбаясь, Вилар сделал вращательный жест рукой, смачивая стенки бокала янтарным напитком.

– Чему радуешься? – спросил Адэр.

– Я уже не представляю тебя без книги или документов.

– Малика сказала, что правитель знаком с историей Порубежья. Да ни черта... – Адэр захлопнул книгу и швырнул на софу. – Полстраницы про династию Грассов, страница про самозванцев и сто страниц про наместников Великого.

Вилар взглянул на обложку:

– Напечатано в Тезаре. Если хочешь, могу поискать что-то более правдоподобное в библиотеке или в архиве.

– Не надо. Настоящую историю не знает никто! Потомки постоянно искажают её согласно идеям и времени. В конце концов она превращается в сборник псевдоисторических рассказов. История в моём понимании – нечто нерушимое, не зависящее от прихоти человеческой массы.

– Между прочим, человеческая масса, как ты выразился, возвеличила твоего отца. Он станет для потомков человеком-легендой.

– Легенды сами по себе не имеют никакой устойчивости. Воображение толпы постоянно меняет их. – Адэр перебрался за стол, жестом предложил Вилару сесть и налил себе вина. – Возьмём, к примеру, Зервана, последнего короля Грасс-Дэмора. Современники говорили о нём как о покровителе нуждающихся. За ним шла одухотворённая толпа. Через двадцать лет эта же толпа назвала его предателем. Сейчас, спустя сто лет, некоторые историки уже сомневаются в его существовании. Говорят, что Зерван – некий собирательный образ, который характеризует мышление той эпохи. Скажи мне, чьей истории я должен верить?

– Не забывай, мы живём в его замке.

– В замке покровителя, предателя или обычного человека, носившего звучное имя? – Адэр залпом осушил бокал и спросил без всякого перехода: – Ты её научил?

– Прости, не понял.

– Ты научил Малику заводить советников, а самой оставаться в тени?

– Нет.

– Так поступает Трой Дадье, когда не знает, что сказать. Не поверю, что ты не рассказывал ей о Трое. – Адэр покрутил бокал в руках, разглядывая золотистые потёки на стенках. – Если честно, мне не хватает Троя. Не думал, что когда-нибудь это скажу.

Отложив вилку и нож, Вилар вытер рот салфеткой:

– Я могу задать нескромный вопрос?

– Попробуй.

– Ты тоскуешь по Галисии?

– Тоскую? Наверное.

– Пригласи её в Порубежье.

Адэр усмехнулся:

– В качестве кого?

– Просто пригласи. Ты правитель, и не должен никому ничего объяснять.

– Не хочу давать ей надежду.

– Мне казалось, что у вас всё серьёзно, – растерялся Вилар.

– Всё серьёзно, как у вас с Маликой?

– Между нами ничего не было.

Адэр поставил бокал. Заложив руки за голову, качнулся на задних ножках стула:

– Значит, четыре дня в Ларжетае прошли впустую.

– Малика не та, за кого ты её принимаешь.

– Ты надел на неё корону и теперь не знаешь, как её снять. Уложи Малику на спину и увидишь, как испарится её неприступность. Поверь, Вилар, они все одинаковые.

– Мы с тобой будем редко видеться, Адэр. Разве что на заседаниях Совета. Аудиенции правителя удосуживаются старший советник и советник по вопросам госбезопасности. С остальными ты можешь встречаться только в присутствии секретаря.

– Ты это называешь аудиенцией? – Адэр указал на стол, заставленный тарелками и бутылками. – Я буду видеться с тобой, когда сочту нужным.

– Не раскалывай Совет, – проговорил Вилар и удалился.

Узкий, слабо освещённый коридор, берущий начало под парадной лестницей, привёл к двери с кованой ручкой, похожей на полумесяц. Перешагнув порог, Адэр вдохнул запах бумажной пыли и провёл рукой по шероховатой стене в поисках выключателя.

– Слева, – прозвучал за спиной голос охранителя.

Раздался щелчок. Тусклый свет выхватил из темноты помещение, которое могло быть небольшим учебным классом, если бы не каменный пол, голые стены и низкий потолок. Столы в два ряда, стопки пожелтевших от времени листов, настольные лампы под запylёнными абажурами. Вероятно, комната когда-то служила читальным залом.

Проём в противоположной стене был завешен грубой тканью. Охранитель приподнял полог, и Адэр ступил в огромный архив, сплошь заставленный шкафами и стеллажами. В свете белых ламп на потёртых корешках книг поблёскивали остатки позолоты, серели самодельные обложки из картона. Кое-где на полках лежали свитки, обмотанные шнурами.

Из-за стола, втиснутого между шкафами, поднялся человек. Сильно сутулясь и подволакивая левую ногу, пошёл навстречу Адэру. Дымчатый балахон доставал до пола, морщинистые руки прижимали к груди седую бороду, волосы спадали на угловатые плечи, очки с большими стёклами сильно увеличивали водянистые глаза.

Старик поклонился:

– Мой правитель.

– Ты и есть летописец?

– Кебади, внук Шаана, к вашим услугам.

– Внук?

– Да, мой правитель. Внук.

– Что же такого совершил твой отец, если ты пропустил его имя?

– На моём отце династия летописцев сделала передышку, – произнёс Кебади, буравя Адэра пытливым взглядом.

– А ты, значит, перешагнул через отца и возродил династию, – сказал Адэр, наблюдая, как охранитель осматривает проходы между стеллажами.

– Кебади, внук Шаана, к вашим услугам, – повторил старец и указал на стул, приставленный к столу. – Прошу вас.

Адэр опустился на обитое выцветшим гобеленом сиденье и закинул ногу на ногу:

– Я ни разу тебя не видел.

– Я редко покидаю архив.

– Чем ты здесь занимаешься?

Кебади уселся за стол, закрыл толстую книгу, зачем-то передвинул с места на место чернильницу:

– Сохраняю историю страны.

– Историю, которую ты не видишь.

– История приходит ко мне сама.

Адэр посмотрел по сторонам:

– Это всё архив Порубежья?

Кебади заправил седые пряди за уши, снял очки. Глаза превратились в узкие щели.

– Ну почему же? Если покопаться, много чего можно найти.

– Один из моих советников сказал, что у Порубежья тёмное прошлое. Это так?

– Я не знаю, о каком прошлом он говорил, – холодно ответил Кебади.

Адэр жестом велел охранителю удалиться и, когда за ним опустился полог на дверном проёме, тихо произнёс:

– Мне нужна история Порубежья.

– Я дал книгу вашему секретарю. Если не ошибаюсь, его зовут Гюст.

– Хорошо, скажу иначе. Мне нужна история Грасс-Дэмора.

– Династия Грассов правила чуть более четырёх столетий. Последний король Зерван Грасс правил двадцать лет.

– Ты собрался прочесть мне лекцию?

– У него был единственный наследник, несовершеннолетний внучатый племянник, – продолжил Кебади, не замечая возмущённого взгляда Адэра. – После исчезновения Зервана он так и не взошёл на престол. Мальчика убили накануне коронации. Его тело не успели предать земле, как случился пожар в библиотеке.

– Ты, вероятно, не понял...

– В ней хранились тайны былого. Библиотека была так велика, что пожар полыхал три месяца.

Адэр насторожился. Неужели прошлое Порубежья настолько тёмное, что его не задумываясь очистили огнём?

Кебади обвёл архив рукой:

– Это всё, что осталось. Мой дед жил в Лайдаре. Он был другом и летописцем Зервана. Потом дед перебрался сюда и посвятил себя воскрешению архива. Но тайны, что забрал огонь, он так и не смог отыскать. Во время пожара люди спасали не то, что важно, а то, что можно было спасти.

– Он рассказывал тебе о прошлом?

Кебади достал из ящика стола фланелевую тряпочку:

– При Зерване Грасс-Дэмор процветал и был богатейшей страной.

Адэр приподнял бровь:

– Верится с трудом.

Летописец протёр стёкла очков, посмотрел сквозь них на лампу:

– В последний год его правления на страну в одночасье обрушились беды. Сначала небывалый ливень и морской прилив. Потом землетрясение и засуха.

– Знаю, – перебил Адэр. – Что дальше?

– Однажды ночью Зерван переоделся стражем и покинул дворец. Больше его никто не видел. В народе ему дали имя «Тот, кто предал».

– Король не может исчезнуть бесследно.

Кебади надел очки; выцветшие глаза стали большими и тоскливыми, как у бездомной собаки.

– Оказывается, может.

– Что дальше?

– Дальше пошли годы разрушений и бесчинств. Вплоть до колонизации Порубежья Тезаром. Затем наступили мёртвые времена. – Кебади открыл толстую книгу на чистой странице, обмакнул перо в чернила. – Они закончились с вашим приездом.

Адэр усмехнулся:

– А ты шутник.

Но старец уже что-то выводил на бумаге, порой поглядывая на Адэра поверх очков.

– Кебади! – позвал Адэр. – Я ещё здесь.

Летописец отложил перо:

– Спрашивайте, мой правитель.

– Кто поджжёт библиотеку?

– Когда человек один, он пытается найти объяснение происходящему. Но когда собирается толпа... Стоит кому-то крикнуть: «Король – предатель», и это кричат уже все. Толпа не умеет думать. Она как животное, которое сорвалось с цепи. Она как неукротимая и слепая сила, способная уничтожить творения столетий. Достижения Зервана были уничтожены глупцами. Пепелище – это всё, что осталось от усилий и стараний этого человека.

– Ты, похоже, предателем его не считаешь.

– Как говорил один мудрый человек, если хотите, чтобы вас признали и за вами пошли люди, станьте частью их мира. Зерван стал частью их мира. Он был одним из самых великодушных людей, самых свободных, непредубеждённых и открытых.

Адэр скривил губы:

– Великодушные люди не сбегают из страны в лихое время.

– Только признание непоправимой ошибки могло толкнуть его на этот роковой шаг.

– О какой ошибке ты говоришь?

– Это всего лишь моё предположение.

Адэр хлопнул ладонью по столу:

– Кебади! Какую ошибку совершил Зерван?

– Не знаю. Я не был свидетелем тех событий. Я родился много лет спустя.

Летописец чего-то не договаривал. Бегая глазами по шкафам, Адэр подумал: а не приказать ли охранителям перерыть весь архив? Внутренний голос пробубнил: они ничего не найдут. Придётся уйти с пустыми руками.

– Я дам вам то, в чём вы больше всего нуждаетесь, – словно читая его мысли, проговорил Кебади. Выдернул из книги чистую страницу и протянул Адэру.

Он повертел лист в руке:

– Зачем мне это?

– Напишите историю страны. Напишите так, чтобы её не смогли уничтожить потомки.

Адэр сложил лист вчетверо, спрятал в карман пиджака и направился к выходу. На пути обернулся:

– Я велю принести тебе печатную машинку.

– Благодарю вас, но... нет. Не надо.

Старик прав. В его возрасте сложно научиться быстро печатать.

– Хорошо. Я велю принести тебе ручки.

– Спасибо. У меня их целый ящик.

- Почему ты пишешь пером?
- Можете подойти? Я кое-что покажу.

Адэр вернулся к столу. Кебади принялся листать страницы, исписанные ручкой: неровные буквы, кривые фразы, торопливые строки.

– Малика принесла мне перо и чернила. Сказала, что к истории надо относиться как к произведению искусства. – Летописец открыл последнюю страницу, покрытую каллиграфическим почерком. – Продуманно, чётко и ничего лишнего.

~ 3 ~

Адэр окинул взглядом осунувшиеся лица советников – будто ночь не спали. Посмотрел на Малику. Не женщина – тетива лука. Кого пронзит стрела на этот раз?

– Мой правитель, – произнесла она. – С вашего разрешения я вернусь ко вчерашнему разговору и задам советнику Лаелу вопрос.

Орэс с нарочитым вниманием повернул голову, будто хотел, чтобы её слова влетели в одно ухо и вылетели из другого.

– Советник Лаел, почему именно религии олард вы отвели роль государственной идеологии?

– Как я уже говорил, правитель может укрепить свою власть божьей силой. Оларды утверждают, что правитель избран Богом.

Джиано, ещё вчера одетый строго, со вкусом, как и подобает виконту, а сегодня облачённый, словно посланник секты, в белоснежную просторную одежду, обратился к Орэсу покоряющий простодушием взгляд:

– Правитель не может утверждать, что он избран Богом, пока не построит фундамент для такого утверждения.

– Повторяю: утверждать будет не правитель, а религия, – произнёс Орэс раздражённо. – Приверженцев этого вероисповедания в нашей стране большинство. И очень жаль, советник Джиано, что вы не из их числа.

– Всякое место, посвящённое Богу, – моё, ибо я исповедую ахабии горжусь этим, – полилась напевная речь Джиано. – Я живу рядом с людьми, которые почитают разных Богов. Я иду в храм и поклоняюсь Богу этого храма, поклоняюсь так же, как поклоняются там люди. Я иду в молитвенный дом или любое другое святилище и поклоняюсь тем же образом, каким поклоняются там люди. И где бы я ни был, я смотрю на людей, уважаю их молитвы, уважаю их Бога и уважаю их представления, потому что все Боги – это лица единственного Всевышнего. Как можно сказать: этот лик прекрасен, а этот уродлив? Как можно вознести одну религию над другой?

– Советник Джиано, я знаком с вашим оригинальным вероисповеданием и не хочу затевать сейчас полемику относительно ваших тезисов, – проговорил Орэс холодным тоном. – Я всего лишь считаю, что правителю нужна опора, будь то лицо, спина, рука или плечо Всевышнего.

– Вы предлагаете возвысить олард, даже не зная, какой религии следует наш правитель.

Орэс повозился с платиновым зажимом на галстук, давая себе пару секунд на обдумывание ответа, и обратился к Адэру:

– В Порубежье мало кто знает вас лично. Но в Тезаре вы были, есть и будете всегда на виду. Вы регулярно посещали несколько храмов – это ни для кого не секрет. И никогда открыто не признавали ту или иную веру. Неосознанно или умышленно, но вам удалось окружить себя тайной. Возможно, вы вообще не верите в Бога, как и я. Сейчас ваша тайная вера или ваше неверие могут сыграть вам на руку.

Джиано укоризненно покачал головой:

– Нельзя играть верой.

– Богослужители всю жизнь этим занимаются, и ничего, – отбрил Орэс.

– Мой правитель! – подала голос Малика. – Советник Лаел предлагает провести две реформы: языковую и религиозную.

Адэр встретился с ней взглядом. Уж не он ли сегодня стал мишенью для её стрелы? Если старший советник не знает позицию правителя по тому или иному вопросу, он обязан либо отложить рассмотрение вопроса, либо исподволь направить разговор в другое русло. Правитель принимает или отклоняет советы заседателей. И только в самом крайнем случае излагает своё мнение. Таким правилам следует Совет Великого. Вилар не мог не сказать Малике об этом.

Исаноха поднял руку:

– Можно взять слово? – Получив разрешение, произнёс: – Загляните в учебники истории, советник Лаел. Все беды на земле происходили под красивыми лозунгами. Нации уничтожали друг друга во имя правого дела. Религиозные войны велись во имя Бога.

– Не перекручивайте мои слова!

– Довольно, маркиз Лаел! Мы слушали вас два дня. И если сегодня принять то, что вы предлагаете, – завтра страна рассыплется как карточный домик. – Исаноха посмотрел на коллег. – Кто со мной согласен?

Советники один за другим подняли руки.

Юстин Ассиз взял со стола несколько сшитых листов:

– Мой правитель! Уважаемый Совет! Прошу рассмотреть кандидатуры на должность окружных судей.

Адэр взглянул на часы:

– Утверждать будем списком или поимённо?

– Если у Совета не возникнет вопросов, утвердим списком, – ответил Юстин и принялся монотонным голосом озвучивать имена.

Адэр открыл блокнот, лихорадочно перевернул страницы:

– Советник Ассиз! Идите за мной. – И направился к выходу из зала.

Секретарь выскочил из-за бюро и побежал следом.

– Гюст, останься. – Адэр указал на Малику. – Идёмте!

Миновав коридор и приёмную, Малика и Юстин замерли посреди кабинета.

Адэр прошёлся из угла в угол, порывлся в бумагах на столе, выдвинул ящик, со стуком закрыл. Упёрся кулаками в лакированную столешницу:

– Или у меня что-то с памятью, или мир перевернулся, советник Ассиз. В вашем списке старые имена. А совсем недавно кто-то обещал восстановить в стране справедливое правосудие.

– Я не отказываюсь от своих обещаний.

– Почему бы вам не спросить себя: на чьей стороне вы стоите? На стороне беззакония или на стороне слабых и незащищённых?

– Конечно же на стороне незащищённых.

– Нет, советник Ассиз! Вы бросили их. И меня вынуждаете бросить людей, которые обратились ко мне за помощью. Не помните? А я вам напомним. Трое селян. У одного граф Вальба сбил ребёнка насмерть, кормильца второго превратил в раба, сына третьего отправил за решётку. Простолюдины пришли и ушли. Это начало. Через месяц их будут сотни. А потом они начнут морить себя голодом под дверью моего замка, пока не восторжествует справедливость.

– Никто не будет морить себя голодом, – вставил Юстин.

– Кто говорил, что заставит графа Вальбу признать свою вину?

– Я не говорил такого! Я говорил, что нельзя оглядываться назад. С графом Вальбой произошла досадная судебная ошибка. Её нельзя исправить. Надо двигаться дальше.

– Со старой командой, которая допускает ошибки?

– Подождите! – вклинилась в разговор Малика. – Я не понимаю, о чём идёт речь.

– Есть закон, который предусматривает сроки подачи апелляции, – кипятился Юстин. – Вы хотите, чтобы я, главный судья, пересмотрел решение суда по делу графа Вальбы и тем самым нарушил закон?

Адэр подошёл к окну, заложил руки за голову.

– Если показать народу, что с судьями можно спорить и высмеивать их решения, – продолжил Юстин, – в стране проснётся каждый преступник. В большинстве селений по одному стражу. Увеличим их численность, и казна лопнет. Порядок держится только на страхе перед судом. А справедливый он или нет – сейчас не это главное. Главное – не дать преступникам вылезти из своих нор.

– Среди дворян, насколько я понял, преступников нет, – усмехнулся Адэр.

– Вам нельзя идти против знати, мой правитель. Вам больше не на кого опереться. Если вы займёте сторону простого люда, в умах начнётся брожение. Сегодня они просят пересмотреть решения судей. Завтра потребуют освободить от налогов. Через месяц скажут, что земля принадлежит народу. Вы станете марионеткой в руках безграмотной толпы, и ни один дворянин не встанет на вашу сторону.

Адэр резко обернулся:

– Перед судом либо все одинаково важны, либо никто не важен. В противном случае люди потеряют веру в меня.

– Я обещаю, – проговорил Юстин, – я клянусь, что со временем приведу к присяге новую команду судей. Сейчас у меня их нет.

– Оставьте меня! – приказал Адэр и рухнул в кресло.

Зачем он лезет в эти дебри? Уровень преступности в Порубежье ниже, чем в некоторых странах Краеугольных Земель. Может, Юстин прав?

Адэр потёр виски. Два месяца назад, сидя в зловонной лачуге, он пообещал себе, что за семь лет заставит страну взлететь. Семь лет! Из пропасти в заоблачную высь! Счёт идёт на минуты, а он четвёртый месяц топчется на месте.

Подойдя к залу, Адэр замешкался. Из-за приоткрытой двери доносились голоса. Орэс Лаел утверждал, что без дипломатического корпуса Порубежье останется государством на бумаге. Мави Безбур перечислял статьи расходов и приводил в пример некоторые слаборазвитые страны, которые обходятся без дипломатов и послов.

Адэр переступил порог – спор затих. А когда опустился в кресло, Орэс, как ни странно, не попросил слова. Зато заговорили все остальные: о строительстве, покупке, формировании... Адэр постукивал по столу ручкой. Какому вопросу отдать предпочтение, когда невозможно решить все сразу?

– Советник Кладэзь, сколько в стране населённых пунктов? – поинтересовалась Малика. Тот провёл двумя пальцами по прилизанной чёлке:

– «Примерно» говорить нельзя?

– В Порубежье 457 городов и 25 106 селений, Советник Кладэзь! Скажите, сколько в стране школ и в каком они состоянии?

– Около двух тысяч. Точную цифру назову завтра.

– Советник Ларе, – начала Малика.

Ярис не дал ей договорить:

– Боюсь запутаться в цифрах.

Она посмотрела на советника по вопросам строительства. Тот опустил голову. Малика повернулась к Орэсу. Маркиз не сводил с неё глаз.

– Желаете взять слово, советник Лаел?

Орэс поправил зажим на галстук:

– Я как бы не у дел. Ни в одной стране нет наших дипломатических представительств, а вас волнуют школы и больницы. Сейчас вы возьмётесь обсуждать минимальную зарплату, прожиточный минимум и потребительскую корзину. Потом скажете, что надо построить каждому бедняку дворец. А затем скажете, что мы слуги народа. – Орэс поднялся. – Аплодирую вам стоя, советник Латаль.

– Переносу заседание на завтра, – произнёс Адэр и покинул зал.

Сумерки затягивали окна замка, оживление жаркого дня шло на убыль, веселье птиц утихло под песню сверчка. Адэр смотрел в темнеющее небо и комкал в кулаке штору.

На смену беспокойству пришла злость. Вчера глядеть на смущённых советников было неловко. Сегодня – противно. Ещё пара таких заседаний, и Совет превратится в сборище скандалистов, а он, правитель, станет посмешищем, не способным укротить простолюднику.

Гостиная погрузилась во мглу. На небосводе засверкала первая звезда. Сад затих. А сердце всё громче стучало в ушах, заглушая внутренний голос, который советовал дожидаться утра.

Мун выделил Малике комнаты в пустующем крыле замка, оградив её жизнь от ненужных встреч и посторонних взглядов. Адэр миновал гулкий переход, спустился и поднялся по ступеням со сбитыми краями, прошёл по длинному коридору, украшенному обломками старинной лепнины. Охранители открыли перед ним двери. Со стула в углу крохотной гостиной вскопчила сонная служанка и низко присела. Не потрудившись постучать, Адэр переступил порог спальни.

Верхний свет потушен. На столике горела свеча, отбрасывая на стены пляшущие блики. Сидя в кресле, Малика неотрывно смотрела на оранжевое пламя. Кремовое платье с широкими рукавами и кружевным воротником подчёркивало смуглость кожи. Подобранные на затылке волосы спадали на плечи блестящими прядями.

– Вы, как я вижу, не знакомы с этикетом.

– Что? – опешил Адэр.

– Вы не знаете, что прежде чем войти, принято стучаться?

– Что ты сказала?!

Малика прижалась щекой к плечу:

– Я прошу вас выйти и постучать.

– Ты заболела?

Она направила на Адэра жаркий, как пламя свечи, взгляд:

– Я пошутила. – И указала на кресло. – Присаживайтесь.

Адэр придвинул кресло к столику. Удивляясь своей покорности, опустил на сиденье и потёр ладони:

– Пока под протоколом заседания не появятся подписи советников, Совет будет считаться номинальным.

– Знаю.

– Мне нужны законы.

– Будут.

Адэр посмотрел на соблазнительные губы и шею, остановил взгляд в ложбинке ключицы и потерял мысль. Неожиданно для себя начал перебирать в уме своих пассий, пытаясь вспомнить, была ли среди них хоть одна смуглая, черноволосая.

Малика поправила воротник:

– Это всё?

– Что? – переспросил Адэр.

– Вы говорили о законах.
– Говорил. Ты с немыслимой скоростью наживаешь себе врагов.
– Зато среди них нет льстецов. Вы не знаете, где сейчас мои враги?
– Не знаю.
– В архиве. Все до одного. И похоже, уходить никто не собирается.
– Кроме врагов ты успела обзавестись доносчиком.
– Я недавно оттуда вернулась. – Малика вновь уставилась на пламя свечи. – Только зря они там сидят. Судьба страны не рождается на складе пыльных бумаг.

Внезапно Адэром овладело желание. Даже не желание, а плотское влечение. Адэр подвинулся на край кресла. Его колени соприкоснулись с её коленями.

– Малика...

Порыв горячего ветра распахнул окно и погасил свечу. Хмельной аромат сада затуманил рассудок. В висках надсадно стучала кровь. В сером полумраке искрились чёрные глаза, полные губы изогнулись в хищном оскале. Вдруг всё исчезло, осталась только жгучая похоть. Обладать! Здесь! Сейчас!

Адэр рванул узел галстука:

– Раздевайся.

– Что?!

– Раздевайся! С плебейками я занимаюсь этим на ковре. Но учитывая твои заслуги, для тебя я сделаю исключение, – произнёс он и получил в ответ звонкую пощёчину. Не совсем понимая, что произошло, прижал ладонь к пылающей щеке. – Ты мне отказываешь?

Малика пересекла спальню и открыла дверь:

– Уходите! Или уйду я.

Шагая по коридору, Адэр рассыпал бранные слова, какие-то выуживал из памяти, какие-то придумывал на ходу. Возле апартаментов увидел Вельму, потёр щёку. Что ж, сегодня будет отдуваться падший ангел. Но завтра...

~ 4 ~

Солнечный свет заливал гостиную. Из сада доносились голоса садовников и щёлканье ножниц для стрижки кустов.

Глядя в зеркало, Адэр провёл по щеке рукой:

– Гюст!

На пороге возник секретарь.

– Распорядись подготовить комнаты для старшего советника на моём этаже. И напомни караулу: без моего разрешения на этаж никого не пускать.

– Даже Вельму?

– Кто такая?

– Ваша личная горничная.

Адэр снял с плечиков рубашку:

– А-а-а, эта служанка... Если позову.

– Будет исполнено, мой правитель.

Отпустив секретаря, Адэр надел рубашку цвета имбирного пряника. Посмотрел на костюм болотного цвета, разложенный на софе.

– Макидор! Где мои сапоги?

Костюмер появился из гардероба:

– На заседания Совета в сапогах не ходят, мой правитель.

– Совет – это работа. Я пойду на работу в чём мне удобно. И принеси мне штаны.

– Штаны, заправленные в сапоги, – признак дурного вкуса.

Адэр покосился на фигуру, облачённую в шёлковую сиреневую блузу и узкие фиолетовые брюки:

– Зато твой изысканный вкус смущает слуг.

– Их способность к эстетическому восприятию и оценке прекрасного оставляет желать лучшего. – Макидор кинулся к Адэру. – Я завяжу вам галстук.

– Объясняю простым языком: если ты не превратишься в мужчину, я вышвырну тебя к чёртовой матери.

Затягивая на галстук узел, Макидор вспыхнул:

– Я мужчина.

Адэр шагнул назад и осмотрел костюмера с головы до ног:

– В упор не вижу.

– Если сапоги для полей-огородов и штаны без стрелок вы считаете признаком мужественности, – произнёс Макидор дрожащим голосом, – где же ваша брутальная небритость? И почему от вас пахнет дорогим парфюмом, а не потом? Следуйте своим убеждениям до конца, а не стойте посередине.

Адэр опешил:

– Ты в своём уме?

Макидор втянул шею в костлявые плечи:

– Не совсем. Зато я цельная личность.

– Уйди с глаз, – прикрикнул на него Адэр и посмотрел на своё отражение в зеркале.

Цельная личность... Как же ею стать, когда мысли, слова и поступки разбегаются в разные стороны? Где найти тот внутренний костяк, который должен обрастать гармонией и согласованностью мыслей, решений и действий?

Тяжело вздохнув, Адэр взял с софы костюм.

Сегодня чувствовалось, что советники ответственно подошли к подготовке своих выступлений. Мужики сыпали цифрами, приводили примеры. Наконец затихли.

– Зачем мы собрались? – спросила Малика.

– Если бы вы не меняли платья, советник Латаль, – откликнулся Орэс, – я бы решил, что третий день вижу один и тот же сон.

Она провела рукой по лакированной поверхности стола, словно стирая пыль, видимую только ей.

– За два дня в Порубежье умерли одна тысяча семьсот шесть человек. Одна тысяча семьсот шесть человек так и не узнали, что в стране появились люди, которые позаботятся об их родных и любимых. Сколько ещё их умрёт в неведении и с тяжёлой душой?

Кладэзь пригладил пальцами прилизанную чёлку:

– Вы нас в чём-то обвиняете, советник Латаль?

– Я хочу, чтобы вы делились с правителем своим опытом, а не ущербными знаниями мелких чиновников, которые вы откопали в архиве.

– Это жизнь нашей страны! – возразил Кладэзь.

– Которую никто из вас, кроме Крикса Силара и Анатана Гравеля, не знает изнутри.

– А вы? – подал голос Юстин Ассиз. – Вы знаете?

– И я не знаю. – Малика поднялась и отошла к окну.

Адэр поймал себя на мысли, что препирательства советников с Маликой доставляют ему удовольствие. Их нападки как сладкая месть за пощёчину. А он, как сказал костюмер, стоит посередине, не вмешиваясь в борьбу сторон. Только борьба неравная, бесчестная. И это придало удовольствию кислый привкус.

– За десять дней Латаль объехала все селения самого бедного района страны, – произнёс Адэр и краем глаза уловил, как Малика резко обернулась. – Она была на всех приисках Бездольного Узла, разговаривала со всеми начальниками, встречалась со всеми стражами и

беседовала с селянами. А вы, советник Ассиз, сколько искупительных поселений посетили за свою жизнь?

– Ни одного, – признался Юстин.

Адэр посмотрел на тучного человека с грубыми чертами лица:

– А вы, советник Глур, пробовали прожить неделю всей семьёй на пять моров? – Направил взгляд на Яриса. – Советник Ларе, вы когда-нибудь были в больнице для бедных?

Пригнув голову, Ярис посмотрел вверх очков:

– Мы знаем, что в стране всё плохо, мой правитель.

– Насколько плохо, советник Ларе? Кто из вас, уважаемые советники, успел хоть немного познакомиться со своей страной? Я вызвал вас из других стран. Вызвал заблаговременно. Чем вы занимались до сегодняшнего дня?

– Разрешите, мой правитель? – сказал Мави Безбур и поднялся. – Я должен был выступить два дня назад. Но ждал от коллег главного вопроса: какими средствами располагает Совет? Так вот, денег в казне осталось на пятьдесят восемь дней. По приказу правителя прииски перестали сдавать камни в отделения тезарского банка. Банк принимает камни по непомерно заниженной цене. Кроме этого, служащие банка оказались нечисты на руку. Соответственно, притока в казну нет. Нам нужен собственный государственный банк. Для его создания необходим уставной капитал, который формируется из казны. Круг замкнулся.

Лица советников вытянулись. Не ожидали...

Первым пришёл в себя Ярис Ларе:

– Ну и как нам прикажете работать без денег?

Мави пожал плечами:

– Возьмите в каком-нибудь отдалённом селении тяжелобольного ребёнка и донесите его до больницы на руках.

– Зачем?

– Пока вы несёте, обливаясь потом и страшаясь за жизнь малыша, вас посетят с десятков идей, как позаботиться о здоровье народа сейчас, а не через десять лет, когда будут построены сотни больниц. Если идеи не появятся – значит, вы занимаете чужое место, советник Ларе.

– Интересно, какие идеи посетили вас? – хмыкнул Орэс.

– Старший советник, я хочу извиниться перед вами за своих коллег и прошу присоединиться к нам, – проговорил Мави и, когда Малика вернулась в кресло, взял со стола бумаги. – Предлагаю провести в Порубежье ювелирную выставку-аукцион, на которой мы сможем продать удержанные драгоценные камни. Прошу проголосовать, не вдаваясь в подробности.

Заседатели подняли руки.

Адэр сжал подлокотники кресла:

– Принято!

Есть первое решение!

– Далее, – сказал Мави, глядя в записи. – В стране работает сто двадцать пять иностранных предприятий, налоги идут мимо нашей казны. Предлагаю провести модернизацию экономики.

– Говорите о финансах, экономику оставьте мне, – произнёс человек с глубокими залысинами на висках.

– Дослушайте до конца, советник Кольхаас, – проговорил Мави миролюбивым тоном. – Предлагаю провести модернизацию экономики путём регистрации международных концернов и компаний, не требуя открытия их представительств в Порубежье. Пусть работают где угодно, а налог с чистой прибыли платят нам.

– Чем вы собираетесь их заманить? – поинтересовался Кольхаас.

– Самая высокая налоговая ставка в мире составляет тридцать процентов, минимальная – пятнадцать. Я подготовил проект закона, который предусматривает семь процентов.

– Не маловато?
– С миру по капле – река в казну.
– Сомневаюсь, что сработает, – отозвался Орэс.
– Если не сработает, я попрощаюсь с креслом советника.
– И с авторитетом, – добавил Кольхаас.
– Не ставьте точку, коллега. Я только начал работать. Когда мои идеи иссякнут, вы узнаете первым, – сказал Мави и с довольным видом сел.

– Спасибо вам за подсказку, – произнёс Вилар. – Трасса Маншер – Партикурам проходит через шесть стран в обход Порубежья. Обе стороны платят впечатляющие дорожные сборы. Я предложу им построить дорогу напрямик. Лично разработаю выигрышный маршрут, который позволит мне заняться второстепенными дорогами.

– Тысячи наших граждан получают работу, – откликнулся советник по социальным вопросам. – Поддерживаю.

– Поддерживаю, – один за другим проговорили мужи.

Адэр достал из папки документ:

– Я составил договор, согласно которому Тезар временно возьмёт на себя представление интересов Порубежья на дипломатическом уровне во всех странах. Прошу ознакомиться.

Орэс округлил глаза:

– Мой правитель!

– Вы же не хотите, чтобы Порубежье оставалось страной на бумаге, советник Лаел? – сказал Адэр и пустил документ по кругу.

– Во сколько нам обойдётся сие удовольствие? – спросил Юстин.

– Как бы парадоксально это ни звучало, Тезар наш должник. И всё благодаря махинациям своего банка. Бойвард и Партикурам тоже наши должники. Из-за их халатности на границах в Порубежье стекается всякий сброд. Советник Бархат, я ни на секунду не сомневаюсь, что Партикурам согласится строить дорогу, чтобы хоть как-то восстановить репутацию. А с Бойвардом начните переговоры о телефонном, телеграфном и почтовом обслуживании Порубежья. Пусть даже временном. – Адэр сложил на столе руки. – И наконец, уму непостижимый факт: Ракшада нам тоже должна. В замке содержится нарушитель границы и работорговец – родной брат хазира Ракшады.

Советники закрутились, зашептались.

Адэр похлопал ладонью по столу, призывая к тишине:

– Только не говорите, что вы этого не знали. Пресса вторую неделю гудит. Или вы следите только за тем, как обсуждают простолоудинов за столом моего Совета? – Откинулся на спинку кресла. – Пресса гудит, а хазир молчит. И пусть молчит. Каждый день его молчания увеличивает размер выкупа.

Советники читали договор с Тезаром. Одобрительно покачивая головами, передавали документ дальше. Заседание превзошло самые смелые ожидания Адэра. Разум выводил рулады, а внутренний голос наперекор ему скрипел. Единство и взаимопонимание людей – вещь хрупкая и недолговечная. Что запоют советники в следующий раз?

– Предлагаю объявить о постоянном нейтралитете Порубежья во всех международных конфликтах, – сказал Орэс Лаел и получил поддержку советников.

– Мой правитель! – произнёс Юстин. – Я могу взять слово?

Адэр напрягся. Если разговор вновь пойдёт о продлении полномочий судей, с Юстином придётся распрощаться. А жаль. Юстин Ассиз – умнейший человек. На служителей правосудия было плевать, но решение в запале высказано, и чтобы быть цельной личностью хотя бы в чужих глазах, менять свою позицию нельзя.

– В Порубежье царит беззаконие, – начал Юстин. – Своих законов нет. Чужих законов столько, что я сам в них запутался. Притом некоторые Указы Великого противоречат друг другу.

Советники одобрительно зашумели.

Юстин поднял руку и продолжил в тишине:

– От деда мне достался Законник Зервана. Грасс-Дэмор процветал, его опыт перенимали другие государства. Зачем нам изобретать колесо, когда оно уже в наших руках? Те законы, которые безошибочно работали при Зерване, после некоторой доработки безошибочно будут работать и в наше время. Да, я замахнулся на большое и трудное дело и прошу поддержать меня: сейчас голосом, потом участием, советом или подсказкой.

– Поддерживаю, – сказала Малика.

– Ничуть не удивлён, – проговорил Орэс с ехидцей. – Ведь рукой Зервана водила моруна.

– Разве Зерван был женат на моруне? – усомнился Адэр.

– Нет, мой правитель. На протяжении четырёх веков советчицами династии Грассов были моруны.

Адэр сжал вспотевшие ладони. История повторяется! Отец сказал бы: «Дурной знак». Так сказал бы тот, кто отправил единственного сына в эту глушь и даже не потрудился рассказать о том, что наворотил в стране.

– Поддерживаю, – произнёс Адэр, и плевать, что остальные советники молчат.

Юстин поклонился и сел.

– Наш народ малограмотный, – сказала Малика. – Он ещё не умеет размышлять, и то, о чём мы говорили сегодня, он вряд ли поймёт. Необходимо хоть одно решение, которое будут обсуждать не газетчики, а люди. Я предлагаю вернуть наших граждан, отправленных на искипительные работы в Тезар.

– Поддерживаю, – кивнул Исаноха. – Они провинились перед Порубежьем и должны искупать свою вину здесь, а не на чужбине.

– Я говорю об амнистии.

– Опомнитесь! – воскликнул кто-то. – Мало нам забот, так мы ещё наводним страну отребьем!

– Мы говорим о гражданах нашей страны! – подал голос Кладэзь. – Многие из них не преступники, они всего лишь оступились, а помощники наместника, выполняя заказ на поставку рабочей силы в Тезар, превысили свои полномочия.

– Откуда вам это известно? – хохотнул Орэс. – Советник по вопросам образования – раб глухих слухов?

– В таком случае я тоже раб, – тихо сказал Исаноха.

– И я, – откликнулся Джиано.

– Совет не имеет права обсуждать слухи, – напомнил Адэр.

– Это не слухи, мой правитель, – произнёс Крикс. – В каждом селении есть доносчики, которые строчили наместникам о провинностях односельчан. Стражи жалели, а эти – нет. Раз в месяц приезжала искипилка. Забирали всех скопом. Возвращались единицы. В Рисковый тоже приезжали, пока я не вычислил, кто пишет.

– Советник Ассиз! Это правда?

– Да, мой правитель.

Теперь стало понятно, почему Юстин Ассиз не хочет менять судей. Ошибки в вынесении приговоров, вероятнее всего, носили единичный характер. Вопиющее беззаконие совершалось по приказу Тезара. Его Тезара! Его великой державы! Верится с трудом.

Адэр повернулся к Малике:

– Чья подпись стояла на приказах?

– Я не видела. Наместники обсуждали их на собраниях, но запрещали что-либо записывать.

Советники переглянулись и уставились в блокноты.

– Советник Ассиз, – проговорил Адэр. – Мне нужны личные дела порубежцев, отправленных на искупительные работы в Тезар.

– Хорошо, мой правитель, – ответил Юстин с толикой сомнения в голосе.

– Я передумал. Мне нужны все судебные постановления.

– Все?

– Да.

– За какой период?

– За двадцать лет.

Юстин попытался улыбнуться – выпуклые губы вымученно растянулись.

– Мой правитель, их тысячи. Я бы сказал: десятки тысяч.

– А я сказал бы, миллионы. – Адэр раскрыл записную книжку. – По моим подсчётам за последние двадцать лет из Порубежья исчезли одиннадцать миллионов человек, советник Ассиз. Вы и советник Силар поможете мне их найти.

– Суды каждые три года сдают дела в архив, – подсказала Малика.

– В мой архив?

– Да, мой правитель.

Адэр хлопнул ладонями по столу:

– Просто замечательно! Советник Ассиз, вам осталось привезти недостающие документы. Завтра с утра приступаем к их изучению.

Советник по социальным вопросам возмущённо тряхнул вторым подбородком:

– Одиннадцать миллионов – это не шутка. Это пятая часть страны!

Юстин Ассиз прокашлялся в кулак:

– Мой правитель! Повторю перед Советом то, что говорил вчера вам лично. Если дать слабину, каждый преступник в стране проснётся. Амнистия, как и поголовная смена судей, позволит бандитам осмелеть. К ним примкнут все, кто считает себя ущемлённым, все, кто решит отомстить за слишком суровый приговор. Их не сотни и даже не тысячи. Вы сами сказали – их миллионы. В большинстве селений по одному стражу. У нас нет обученных людей, нет денег, чтобы остановить волну преступности. А она будет, я в этом уверен.

– Прошу разрешить стражам порядка ношение холодного оружия, – выпалил Крикс.

– Советник Силар, – насупился Юстин. – Порубежье входит в содружество «Мир без насилия».

– Почему-то преступники об этом не знают.

– Ваш сарказм не уместен, – ввернул Орэс.

– Вы называете правду сарказмом? – огрызнулся Крикс. – Люди убивают чем угодно: ножами для чистки овощей, лопатами, камнями, голыми руками. Или это не насилие?

– Насилие, – согласился Орэс. – А вы должны придумать, как бороться с ним ненасильственным способом.

– Вы знаете, как борются с преступностью в странах содружества? – спросил Крикс.

– Вы главный страж Порубежья. Вы должны знать, а не я.

– Я знаю. Там поощряют доносительство. Там бывшим искипленцам два раза в год принудительно делают прививки, которые подавляют волю. А на дома наносят предупреждающие знаки, чтобы все знали, кто в них живёт. Там родственники преступника оплачивают его содержание в тюрьме, берут на иждивение семью пострадавшего и делают взносы в государственную казну, которые идут на нужды охранительных участков. Там на сто человек приходится один страж порядка. И это ещё не всё. Дайте мне эти законы, дайте людей, и я не заикнусь об оружии.

– Если мы разрешим ношение оружия стражам, охранителям, знати, сторожам и всем прочим, – проговорил Юстин с подчёркнутой вежливостью, – мы автоматически пополним список отвергнутых стран. Отвергнутые страны, к вашему сведению, существуют обособленно. С ними никто не имеет дела. Вы хотите и нашу страну обречь на одиночество?

– В «Мире без насилия» мы уже одиноки, – сказала Малика.

– И это говорит та, кто предлагает освободить искупленцев от заслуженного наказания, – заметил Юстин.

– И в мире справедливости мы одиноки.

Орэс Лаел покачал головой:

– За красивыми фразами, как правило, прячется пустота. Особенно когда эти фразы проносит государственный деятель.

– Вы хотите, чтобы мои люди жертвовали собой, защищая вас, но сами не идёте на жертвы ради них, – горячился Крикс. – Это и есть пустота ваших клятв и обещаний служить отечеству и народу.

– Ваши обвинения голословны, а требования безосновательны, советник Силар, – оскорбился Юстин. – Впредь подбирайте слова.

Крикс сложил руки на груди и уставился в окно.

Адэр постучал пальцами по столу. Вот и пришёл конец единству. Но если бы хоть кто-то из них побывал в плену у подонков и умирал каждую минуту от страха перед неизвестностью, если бы силы жить им давала только надежда на физическую подготовку и хитрость спасителя в лице одинокого невооружённого стража порядка, они бы поддержали Крикса. Однако у холёных и изнеженных советников не было печального опыта. Проживая в развитых странах Краеугольных Земель, они уверовали в свою неуязвимость, как, собственно, верил он сам. Верил до недавних пор.

– Вопрос об амнистии остаётся открытым, – сказал Адэр. – Секретарь отпечатает протокол заседания и даст вам на подпись. Все свободны, кроме Гравеля, Силара и Латаль.

Мужи молчаливой гурьбой покинули зал. Секретарь вышел последним и закрыл двери с другой стороны.

– Анатан!

Тот съёжился:

– Да, мой правитель!

– У тебя столько же прав, сколько у маркизов и графов. Почему ты ведёшь себя как непрошенный гость?

– Я не знаю.

– Денежные трудности тебя не касаются. Ты работаешь в том же режиме, что и раньше. Скажу больше: я требую, чтобы ты вплотную занялся «Провалом». Начинай строительство рабочего посёлка, покупай снаряжение и оборудование, нанимай людей. Кроме этого, пригласи иностранных специалистов, пусть изучат колодец, вода из которого пахнет нефтью.

– Геолого-экономическая оценка месторождения нефти стоит сумасшедших денег, – начал Анатан.

Адэр жестом остановил его:

– Я дам тебе столько денег, сколько скажешь. Можешь идти. – Перевёл взгляд на Крикса. – Посягая на главный закон «Мира без насилия», ты рискуешь слететь с шахматной доски.

– Но пока я на ней, я вижу только два хода: либо я загублю своих людей собственным бездействием, либо верну Порубежье в реальный мир, где с насилием борются, а не скрывают его. И вы знаете, какой дорогой я пойду.

Адэр открыл блокнот. Закрыл. Постучал пальцами по переплёту:

– Я не смогу поддержать тебя, Крикс. У меня связаны руки.

– Ваши слова понравятся бандитам.
– А ты им не говори, – улыбнулся Адэр.
– Мне не до шуток, мой правитель. За последний месяц преступность выросла на семь процентов.

– Почему не сказал об этом на заседании?
– Это официальная цифра. В действительности дела обстоят намного хуже. Я не хотел вводить Совет в заблуждение.

Адэр потёр ладонями лицо. Нищета, как и любая беда, не ходит в одиночку.

– Во внутренних войсках вашего отца служат две тысячи наших граждан, – прозвучал голос Малики.

Адэр покосился на неё. Не женщина, а клубок противоречий. В ней странным образом сплетаются ум и наивность, покорность и строптивость, жестокость и милосердие.

– Отзывай порубежцев из армии Тезара, – велел Адэр Криксу. – Прямо сейчас отправляйся в Градмир. Я переговорю с Троем Дадье. Он будет тебя ждать. Можешь идти.

Дадье не опустится до личной беседы с плебеем, даже если этот плебей занимает государственный пост. Криксу не привыкать к субординации – семнадцать лет службы в армии Великого не прошли даром, а потому разговор с Троем через рядового чиновника не заденет его самолюбие.

Адэр посмотрел на Малику. Ей вряд ли посчастливится побывать в Тезаре, где превыше всего ценится чистота знатной крови. Он не позволит отнестись с пренебрежением к его правой руке, а потому никогда не отправит своего старшего советника к Великому.

– Спасибо, что заступились за меня, – сказала Малика.

– Надоели склоки.

– Я не справляюсь и прошу найти мне замену.

– Этого не будет. Не хочу доставлять Совету удовольствие.

Малика принялась крутить пуговицу на манжете:

– Гюст сказал, что вы переселяете меня на свой этаж.

Адэр ослабил галстук:

– Переселяю. И что?

– Я не кобыла, которой без её согласия меняют стойло.

– Мой старший советник не может обитать в нежилом крыле замка.

– Я переберусь в свою старую комнату.

– Если хочешь высокое звание старшего советника опустить до уровня прислуги, давай, перебирайся, – произнёс Адэр и покинул зал.

~ 5 ~

На кофейном столике лежал лист бумаги, испещрённый бисерным почерком. Глядя на него, Патрик Каналь сидел неподвижно уже битый час. Неужели мечты так и останутся мечтами? Неужели все планы рухнут из-за желания Великого хоть чему-нибудь научить Адэра, держа его вдали от Тезара? Наследник не желает заниматься государственными делами? Ну и что? Сколько подобных случаев сохранила история? На трон садились и более нерадивые правители. Им на помощь приходил Совет, брал бразды правления в свои руки и толкал страну вперёд.

Патрик тяжело поднялся и подошёл к окну, ощущая в ногах непривычную слабость. Взору открылась отрадная для души картина: покачиваясь в гамаке, Галисия читала книгу. Ветерок перебирал белокурые локоны. Резная крона деревьев оберегала нежную кожу от солнечных лучей.

Галисия подняла небесно-голубые глаза, опущенные густыми ресницами, и помахала отцу. Патрик махнул в ответ, спрятался за бархатную штору и схватился за сердце.

Галисия... Изящная как лань, утонченная как аромат орхидеи. Многие сходились во мнении, что лучшей партии для Адэра не сыскать, а Великий молчал.

Патрик уже дважды отклонял предложения. Сначала к нему обратился высокопоставленный чиновник из Партикурама. Потом королева Габрилы Ок'шер на балу во дворце Могана будто ненароком обмолвилась о своём третьем сыне, которому не терпелось обзавестись красавицей-женой. Намёк Габрилы был заманчив: его дочь – принцесса Маншера! Но она никогда не будет королевой. Патрик долго колебался. Желание увидеть Галисию на троне Тезара возобладало над сомнениями и не позволило возобновить беседу с Габрилой во время её следующего приезда.

Патрик встряхнул головой. Он извернётся ужом, пролезет в любую щель, но Галисия войдёт на престол рука об руку с Адэром!

Тяжёлые шаги, прозвучавшие в просторном коридоре, заставили прислугу согнуться пополам. Патрик Каналь, провожаемый рабелепной тишиной, покинул свой особняк.

Трою Дадье с трудом удалось скрыть удивление, когда дворецкий сообщил о прибытии редкого гостя. За всё время их совместной работы в Совете Патрик Каналь лишь единожды удостоил старшего советника своим визитом. И хотя встреча произошла лет десять назад, Трой хорошо помнил, что они расстались если не врагами, то уж точно не друзьями. Каналь надеялся наладить дружеские отношения между семьями, но Трой сумел отсеять шелуху лестных слов, и в душе остался лишь неприятный осадок.

Каналь застыл на пороге в ожидании приветствия. Дадье взглядом указал на стул и приготовился к проискам незваного гостя. Иного он не ждал.

Слова лениво нанизывались на нить пустого разговора. Обсудили погоду, последнее заседание Совета, поговорили о супругах. Время шло, а беседа продолжала витать вокруг да около. Трой не выдержал и с недовольным видом посмотрел на часы.

В тот же миг прозвучало:

– Вы не получали каких-либо известий из Порубежья, дорогой Дадье?

– Если вы вознамерились обсуждать Малику Латаль, скажу сразу – напрасно пришли, – без обиняков предупредил Трой.

– К нашему обоюдному сожалению, нам придётся поговорить, – твёрдо произнёс Каналь. – Я не хочу, чтобы новости просочились в кулуары дворца, минуя уши Великого. Я пришёл к вам не как к старшему советнику, а как к другу Могана.

Трой взирал на гостя, зная, что ни одна черта лица не выдаёт его беспокойства, а стеклянный взгляд не выражает интереса.

Каналь поёрзал на стуле:

– Читали, что пишут в газетах? «Настали времена, когда любая посудомойка вправе давать советы королю». У наших посудомоек хоть какое-то образование. А эта девица даже в школу не ходила.

– Пренебрежительное отношение к старшему советнику равносильно унижению правителя.

– Вот уж кого я не хотел унизить, так это Адэра. Так пишут в газетах.

– Писали.

Каналь провёл ладонью по безупречно отутюженным брюкам:

– Ну да, отписались. Великий был таким спокойным, когда обсуждалось её назначение, будто плебейка за столом Совета – привычное в нашем мире дело. Я давно не видел его таким довольным. Вы приложили руку? – Каналь хихикнул. – Глупый вопрос. Только вы умеете так виртуозно превращать минусы в плюсы.

Трой продолжал безмолвно взирать на гостя, а в голове звенел тревожный колокольчик. Слишком вольно ведёт себя Каналь. Без козыря в рукаве он вряд ли бы осмелился разговаривать в подобном тоне.

– И вы, конечно же, в курсе всего, что творится в замке Адэра, – добавил Каналь после секундной заминки.

Колокольчик в голове превратился в колокол. Адэр заменил старых слуг (среди них была парочка осведомителей Троя), и теперь из доверенных людей рядом с ним находились только охранители из Тезара. С недавних пор они стали обычными караульными, стоящими за дверями замка, зала Совета и апартаментов. За дверями! Количество информации значительно уменьшилось, её ценность резко упала.

– Вы подготовили Великого к очередному потрясению? Да или нет? – напирал Каналь.

Трой невольно стиснул зубы и с опозданием понял, что выдал себя движением челюсти.

Каналь усмехнулся:

– Не подготовили. Шпионы проморгали?

Продолжать игру в терпеливого хозяина уже не имело смысла.

– У меня нет времени слушать ваши фантазии, – сказал Трой.

Каналь щелчком сбил с колена невидимую пушинку:

– Как можно было отправить Адэра в страну, где верят в сказки?

– Вы не поняли. Я очень занят.

– Великий запер три древних народа в резервациях. И правильно сделал. Однако он забыл ещё об одном народе. Или это ваш промах?

– Малика моруна, – сказал Трой.

Каналь вытаращил глаза:

– Вы знаете?!

– Вам пора домой, дорогой Патрик. Нынче ходить по улицам Градмира стало небезопасно, особенно в тёмное время суток. Слышали о побеге из тюрьмы двух заключённых? На вашем месте я бы носа из дома не высовывал и уж точно не открывал бы рот.

Каналь резво поднялся, низко поклонился и поспешил к двери.

– Вы затеяли переписку с Орэсом Лаелом? – спросил Трой, глядя ему в спину. – Вспомнили о дальних родственниках?

Каналь резко обернулся.

– Его дед – бастард вашего плодовитого прадеда – месил глину с соломой босыми ногами, – продолжил Трой. – Поинтересуйтесь в следующем письме: не желает ли Орэс вернуться к излюбленному занятию своего предка?

Каналь с минуту дёргал ручку, пока сообразил, что дверь открывается в другую сторону.

Даде прижал пальцы к вискам. Малика моруна! Как могли проглядеть его агенты? Достал из сейфа толстую папку, долго в ней рылся. Вот он, документ, который ввёл его в заблуждение: Мун – смотритель замка, ориент; Малика – внучка Муна, ориентка.

Трой уткнулся лбом в кулаки. Перед внутренним взором промелькнули давно минувшие события. Моган колонизировал Порубежье и прекратил затяжную борьбу местных царьков за трон. В Лайдару стянулись три народа – ветоны, климы, ориенти – и изгнали первого наместника из столицы. За добрыми делами Великого они увидели дьявола, а не спасителя. Ещё тогда надо было показать Порубежью, как выглядит дьявол на самом деле, но Тезар успел создать содружество «Мир без насилия». А как поработить население без оружия? Лишь прибегнув к сильнейшему оружию – к методу ненасильственной борьбы.

В Порубежье проживали семнадцать национальностей – не страна, а мозаика. Самыми многочисленными были ветоны, которые считали себя хозяевами Лайдары и её окрестностей. Климь ютились в середине этнического списка, ориенти его замыкали. Спецслужбы перерыли архив, изучили жалкий остаток недогоревшей истории некогда процветающей страны и выяс-

нили, что заставило эти народы собраться вместе и почему никто из доморожденных самозванцев не осмелился занять дворец Зервана. Ветоны, климы и ориенти были первыми, кому моруны разрешили поселиться на своих землях, но не это было главным. Четыре народа, включая морун, объединяла священная книга «Откровения Странника» – писание, таившее в себе серьёзную опасность.

Моган не хотел рисковать, а потому пошёл лёгким и простым путём – решил поиграть с непокорной троицей в демократию: чей язык признать государственным, какой религии отдать предпочтение, как распределять средства из казны и кто, в конце концов, будет наместником? Три народа спорили и не могли прийти к согласию, а десять наций бухтели до тех пор, пока климы не предложили вернуть из-за долины Печали морун. Против климов ополчились все. На одного игрока стало меньше.

Вскоре из игры вылетел ещё один игрок. По «непонятым» причинам сгорел единственный трёхмачтовый корабль морского народа. Голословно обвинив ветонов в поджоге, ориенти отогнали свои утлые рыболовные шхуны подальше от Лайдары и, затаив обиду, укрылись в пещерах и гротах на побережье Тайного моря.

Потеряв союзников, ветоны обрели противников – национальные меньшинства, обделённые вниманием и уважением, вдруг стали большинством, зашипели, заскрежетали и прониклись злорадством, когда Великий издал Указ о создании трёх резерваций и лишил самонадеянных глупцов свободы, воли и защиты. Правда, пришлось пожертвовать древней столицей – ветоны пригрозили поджечь леса и торфяные болота на границе с Тезаром, если их выдворят из края дедов и отцов.

На заборах в селениях и городах рисовали карикатуры на богослужителей различных вероисповеданий, изображённых пастухами, погоняющими стадо баранов, коров или свиней. На воротах и калитках появились оскорбительные надписи то на одном, то на другом языке. Кто-то нашёл себя в доносительстве, кто-то в клевете. И трудности исчезли: в стране, где царит недоверие и попрание чужих языков и религий, никому нет дела до иноземного правителя. Вместо того чтобы сказать Могану спасибо за мир и спокойствие и взлететь до высот Тезара, Порубежье опустилось на самое дно.

Трой Дадые знал, что ориенти – отличные пловцы и ныряльщики, климы собирают невиданные урожаи с бесплодных почв, ветоны заставляют «петь» изделия из камня. А в сказки о ненормальных способностях этих народов Трой не верил. Чем же славятся моруны – законные хозяйки юга Краеугольных Земель и бессменные советчицы королей династии Грассов? Древнейший народ исчез из поля зрения всего мира около века назад. Его загнали за долину Печали, вырезав перед этим большую часть. Раньше у Троя не было времени и желания разбираться в причине геноцида морун. А зря... Какой-то Орэс Лаел знает о таинственном народе намного больше, чем он, старший советник Великого! И теперь этот Лаел подсовывает Каналю, своему родственнику, козырные карты.

Трой застегнул пиджак. Выйдя из кабинета, бросил дворецкому:

– Я в архив. Потом во дворец.

Пролетела ещё одна ночь, наполненная стонами блудницы. Ещё одна ночь, в которой смешались неудовлетворённость и похоть. Адэр откинулся на меховой плед, постеленный поверх ковра. Вельма прижалась к его плечу щекой, зашекотала волосами шею.

– Уйди.

Схватив с кресла платье, Вельма выпорхнула из спальни.

Адэр подошёл к окну. Солнце окрашивало небо в безмятежный розовый цвет. Осмелевший ветер перебирал раскидистые ветви деревьев, шелестел атласной листвой. Щебет птиц

набирал силу. А вот и Малика. Встретила рассвет и возвращается в замок. И откуда у неё глупая привычка жаться к каждому дереву?

В дверь постучали.

– Мой правитель! – прозвучал голос Гюста. – Вы не спите?

Адэр прикрыл обнажённые бёдра гипюровой занавесью:

– Что ты хотел?

Секретарь шагнул через порог и уставился себе под ноги:

– Охранители сначала не поняли, откуда этот звук. Потом разобрались. Это звонит телефон.

– Телефон?

– Да, мой правитель. Трой Дадье просит вас срочно поговорить с ним.

Одеваясь, Адэр перебирал в уме сотни причин, вынудивших Троя позвонить. Недавно они разговаривали о предстоящем визите Крикса. Что могло произойти за несколько часов? Хоть бы с отцом и сестрой всё было в порядке.

Войдя в комнату под парадной лестницей, Адэр выхватил из руки охранителя протянутую трубку:

– Трой?

– Ваше высочество, – прозвучало в ухо. – Извините за беспокойство.

– Не тратьте время на бессмысленные формальности.

– Сразу перейду к делу. Ваш отец получил от хазира Ракшады требование выдать Иштара.

– Что отец?

– Ответил, что требование пришло не по адресу. Адэр, разрешите нам ввести войска в Порубежье.

– Не вижу необходимости.

– Адэр! Шедар Гарпи ни разу не общался с вашим отцом, а тут сразу в лоб – требование!

Кому? Великому!

– Отец отвык от разговоров с настоящими мужчинами.

– Адэр!

– Вы всю жизнь пытались сделать из меня слюнтяя, которого чуть что – прятали за отцовской спиной. Довольно, Дадье!

– Разрешите хотя бы прислать к вам консультантов.

– У меня их шестнадцать. Это всё?

В трубке прозвучал протяжный вздох.

– Нет, Адэр. Теперь слушайте внимательно.

Он слушал: сначала стараясь не пропустить ни слова, потом настороженно ловя непривычно хрупкие нотки в голосе, будто Трой пытался убедить самого себя в том, что говорил.

– Ваша светлость, вы пьяны? – спросил Адэр, когда советник отца умолк.

– В это тяжело поверить, но я нашёл в архиве документы.

– Если вы расскажете эти сказки Могану, он отправит вас на заслуженный отдых. И правильно делает.

– Это не сказки, а свидетельства очевидцев.

– Сначала вы пытались выставить меня перед Шедаром слабаком, не способным защитить свои интересы, – кипятился Адэр. – Теперь хотите сделать из меня дурака.

– Я хочу всего лишь предупредить.

– Время, отведённое на беседу, истекло, Дадье. Всего хорошего, – сказал Адэр и бросил трубку.

В холле его ждал Гюст:

– Советник Лаел просит о встрече, мой правитель. Говорит, это очень важно.

А этому что надо в такую рань?

Войдя в приёмную, Адэр бросил Орэсу:

– Прошу. – И ступил в кабинет.

Гюст уселся за конторку в углу комнаты, вытащил из ящичка чистые листы и закусил ручку.

Орэс покосился на секретаря:

– У меня личный разговор.

– Аудиенция правителя с рядовыми советниками возбраняется, – заявил Гюст не терпящим возражения тоном.

Орэс повернулся к нему спиной, прошептал одними губами:

– Я хочу поговорить о старшем советнике, мой правитель.

– Независимо от темы, – отрезал Адэр.

Многозначительный взгляд колюче впился ему в лицо.

В древности буквоедам нечем было заняться – сидели и строчили разные законы. Кто придумал оградить правителя от личных бесед? Вилар и тот не может запросто прийти и поболтать по-дружески. Проще увидеться с Муном или с этой служанкой, с кем угодно, но только не с советниками. Чего боялись чернильные крысы? Заговоров? Интриг?

Адэр расположился в кресле, подпёр рукой подбородок:

– Советник Лаел, вы завтракали?

– Нет, мой правитель.

– И я не завтракал. Я не успел принять душ и, как видите, одет неподобающе. Или говорите, или дождитесь заседания Совета.

Дугообразная бровь дёрнулась, в карих глазах мелькнуло замешательство. Орэс провёл ладонью по волнистым волосам:

– То, что сказала Малика Латаль – правда. Дэмор – это земли морун. Народы, которым они разрешили здесь поселиться, сначала жили обособленно. Никто никому не мешал, и никто не совал нос в дела соседей. Единственным требованием морун было уважение друг к другу. С годами численность населения увеличилась, соответственно, возникла необходимость решать многие вопросы сообща. Моруны никогда не рвались к власти, поэтому на троне Дэмора сменяли друг друга выходцы из разных общин, пока не появился первый Грасс. Куэл Грасс из климов. Это он предложил морунам второе по значимости кресло за столом Совета и своё покровительство.

Адэр прикрыл рукой зевок:

– Лаел, сейчас семь часов утра. Время для чашки кофе, а не для урока истории.

– Мой правитель, это очень важно!

– Пять минут. Не более.

Орэс бросил через плечо взгляд на Гюста, провёл пальцем по брови:

– Морунам на самом деле был нужен покровитель. Люди уже разобрались в причине их безграничного гостеприимства и начали потихоньку роптать. С тех пор прошло много времени, но любой коренной житель Порубежья вам скажет, что моруны подчиняли себе мужчин.

– Маркиз Лаел! Вместо того чтобы работать, вы собираете слухи.

– Мои комнаты находятся ближе всех к лестнице, – заговорил Орэс с непонятной горячностью. – Утром меня разбудил шум: слуги поднимали мебель. Вельма, ваша горничная, сказала, что на вашем этаже готовят апартаменты для Малики.

– Рот Вельмы больше подходит для других целей. – Адэр щелчком пальцев привлёк к себе внимание секретаря. – Уволить служанку.

– Будет исполнено, мой правитель, – откликнулся Гюст.

– А с какой целью пришли вы? – спросил Адэр Орэса.

– Я посчитал своим долгом предупредить вас.

– Предупредили. Всё?

– Это не самое страшное, что говорят о морунах. Их выгнали за долину Печали из-за их проклятия.

Адэр прикрыл рукой глаза. Дадье и Лаел сговорились. А на что он надеялся? Что Великий спокойно отнесётся к его оплеухе? Нет, отец будет строить козни и плести интриги, вынуждая его вышвырнуть Малику из замка.

– Всё?

– Вы знаете, что Латаль вчера вечером была у ракшада?

– Знаю, – соврал Адэр.

– Она выгнала стражей из его комнаты.

– И что?

– Моруны подчиняют себе мужчин, – повторил Орэс. – Она была с Иштаром наедине.

Адэр смотрел в карие глаза, в них застыло ожидание то ли ответа, то ли вопроса. Сказки о морунах он проигнорирует. А тайное посещение его заклятого врага?.. Продолжить обсуждение поступка Малики – поощрить Орэса к доносам. За ним потянутся другие советники. И тогда можно будет распускать Совет.

Адэр протянул руку к секретарю:

– Запись беседы.

Гюст спрыгнул со стула и подал два листа. Адэр перечитал, разорвал и подкинул к потолку.

– Мой правитель... – выдохнул секретарь, глядя, как в воздухе кружат клочки бумаги.

– Разбудишь меня через два часа, – велел Адэр и, обойдя побледневшего Орэса, проследовал в апартаменты.

~ 6 ~

Гюст приходил несколько раз. Адэр посылал его к чёрту и лишь ближе к вечеру на ватных ногах и с гудящей головой отправился в архив.

В читальном зале кипела работа. В углу, обложившись регистрационными книгами, сидел советник по национальным вопросам Исаноха. Юстин Ассиз и советник по социальным вопросам Глур разбирали документы. На сдвинутых посреди помещения столах возвышались стопки судебных постановлений. Возле двери стояли три мешка, прошитые с обеих сторон, с сургучными печатями на швах. Ещё два пустых валялись на полу.

Адэр пощупал набитый мешок; под пальцами зашуршали плотно утрамбованные бумаги.

– Я думал, будет больше.

Из-за тучной фигуры Глура вынырнул приверженец всех религий Джиано:

– Мы ещё не добрались до архива, мой правитель. Это привёз советник Ассиз.

– Пока из пяти судов, – уточнил Юстин.

Глядя на разные по высоте стопки, Адэр прошёлся вдоль столов:

– По какому признаку сортируете?

– Сначала хотели по месту отбывания наказания, а получилось по составу преступления, – ответил Глур и вспорол мешковину ножом для резки бумаги.

Адэр взял документ из самой высокой стопы. Клевета, семь лет, исправительное поселение «Т-7». «Т» – наверное, Тезар. «7» – срок заключения. Следующее постановление суда было копией первого. И третье, и четвёртое...

Взял лист из другой стопки. Нецензурная брань в общественных местах, пять лет, поселение «Т-5». В стопке рядом: порча общественного имущества, но не говорилось – какого именно, восемь лет, «Т-8».

Адэр перешёл к столу со сваленными в кучу бумагами. Советники не успели рассортировать их, и судебные постановления по разным делам лежали вперемешку. Убийство, пять лет, «П-5». Изнасилование, два года, «П-2». Разбой, три года, «П-3».

Ощутив слабость в ногах, Адэр опустился на стул. А он ещё сомневался в существовании заказа на рабочие руки. В Тезар забирали людей, которые не представляли особой опасности. В Порубежье оставляли отморозков, притом преступления и сроки заключения были несоизмеримы.

Держа в руке несколько листов, Юстин сел на стул рядом:

– Не надо трогать архив, мой правитель.

– Вы упрямы, советник Ассиз.

– Многих, кто отбывал срок в Тезаре, уже нет в живых. Те, кто вернулся, осуждены за более серьёзные преступления и отбывают срок в Порубежье. Простой мужик слегка перебрал, выругался или кому-то намылил холку, а его в Тезар на семь лет к настоящим преступникам. Каким он оттуда выйдет? Тюрьма ломает людей, мой правитель. Надеюсь, что искупленцы, которые сейчас работают на вашу великую державу, там и останутся.

Адэр взглянул на советника. На красивом лице ни тени иронии.

– Вы так легко об этом говорите, Юстин.

– Я реально смотрю на вещи, мой правитель. – Советник потряс зажатými в руке листами. – Здесь последние постановления. Не изучив дела, сложно сказать, насколько справедливы приговоры. Однако с вашим приходом к власти тюремная машина Тезара прекратила работу.

– Считаете это геноцидом народов Порубежья?

– никоим образом. Во всех странах заключённые – это тяжёлый труд, дешёвая рабсила и, как следствие, высокая прибыль. В Тезаре преступлений мало, а грандиозных проектов много. Грех не воспользоваться «услугами» колонии.

– А сроки наказаний?

– Подозреваю, что судьи пытались выслужиться перед Великим. С этим я разберусь, – пообещал Юстин и тихо добавил: – Чуть позже.

– Почему позже?

– Нам тоже нужны дешёвые рабочие руки. На наших цементных и кирпичных заводах, на асбестовых фабриках и каменоломнях трудятся тысячи искупленцев. Если их отпустить, кто будет работать на вредном производстве?

– Напомню, что среди дешёвых рук нет рук дворян.

– Нет, мой правитель. – Юстин придвинулся вместе со стулом к Адэру и проговорил еле слышно: – Орэс сказал, что власть монарха зиждется на двух столпах: престол и религия. Он ошибся, мой правитель. Власть, как и табурет, не может стоять на двух ножках. Есть третий столп – это мы, ваша знать. Выбьете нас, и табурет рухнет, а вместе с ним рухнете вы. Ваш отец вам не поможет. Превратив Порубежье в колонию, он совершил ошибку. Второй раз он её не допустит.

Адэр выпрямил спину:

– Уйдите!

– Мой правитель...

– Уйдите! Все уходите!

Оставшись один, Адэр заметался по комнате: от стены к стене, от стола к столу. Поднимать архив нельзя – пострадает репутация Тезара. Оставить всё как есть? Но Порубежье тоже его страна. Пусть нелюбимая и не любящая, пусть нежеланная, но – это его страна!.. Сейчас бы выпить до одури и ни о чём не думать.

– Гюст! Позови Малику.

Дверь жалобно всхлипнула. На пороге возник секретарь:

- Она уехала, мой правитель.
- Куда?
- В Ларжетай. С советником Безбуром. Она приходила, когда вы спали.
- И, как всегда, не сказала – зачем?
- Сказала. Для решения вопросов по организации ювелирной выставки.
- Позови маркиза Бархата.
- Он уехал в Партикурам.

Адэр отпустил Гюста и обвёл комнату взглядом. Несколько дней он будет предоставлен сам себе. Провести их надо с пользой. Читать сочинения судей особой охоты не было. Этим займётся специальная комиссия, если он решится её назначить. От книжонки по истории мало проку. Протокол заседания Совета скоро протрётся до дыр. Адэр посмотрел на проём, завешенный плотной тканью.

Из-за огромного количества шкафов и стеллажей помещение, где хранился архив, казалось лабиринтом.

Кебади будто ждал Адэра: сидел совершенно неподвижно; руки, обтянутые сморщенной кожей в выступающих венах и пятнах старости, расслабленно лежали на закрытой книге; стёкла опущенных на нос очков отражали заточенное белоснежное перо на краешке чернильницы; взгляд поверх очков был полон внимания.

- Кебади, расскажи, что на этих полках?
- Отчёты, справки, протоколы, переписка наместников.
- С кем?
- С друзьями, с жёнами, с чиновниками. Наместники любили плодить макулатуру.
- Переписка последнего наместника тоже здесь?
- Виконт Тайпель был на удивление скрытным человеком. После него не осталось даже записки.

Адэр заложил руки за спину, качнулся с пятки на носок. Как же вычислить, не прибегая к помощи Троя Дадье, кто сообщник виконта? Как узнать, кто так ловко связал сына Великого с назначением наместника, с созданием лагеря смертников и с хищением сапфиров с подпольного прииска?

– Все писали мемуары, – продолжил Кебади, – а этот заставлял Малику читать ему историю и законы Ракшады. Странная прихоть для человека, который уже стоял на краю могилы.

- Он болел?
- Он был самым старым из всех наместников.

Адэр указал на два книжных шкафа с дверцами без стёкол:

- Что здесь, Кебади?
- Древние атласы Краеугольных Земель.
- А там? – спросил Адэр, указывая на полки, прикрытые пожелтевшими газетами.
- Древние своды Законов. Скажите, что конкретно вам надо?
- Как я понял, история Грасс-Дэмора была уничтожена не полностью.
- Всё, что удалось собрать моему деду и мне, – в конце зала. Только возьмите фонарь, там темно.

Адэр взял протянутый летописцем фонарь и пошёл вдоль стеллажей. Под потолком горели не все лампы, а после очередного поворота Адэр ступил в мягкий полумрак. Проход сузился. Звук шагов прижался к полу. Запах залежалых бумаг стал густым, въедливым. Пробивая серую полутьму, луч фонаря выхватывал слева и справа корешки книг, сгибы папок,

обмотанные бечёвкой пачки документов. В свете колыхалась пелена, сотканная из пылинок, и неохотно расплывалась, обтекая Адэра.

Он ещё раз повернул и наткнулся на полки, примкнувшие к стене ровными рядами, как линии в тетради. Скользнул лучом вверх, вниз.

– Кебади! Здесь ничего нет! – крикнул Адэр, и слова увязли в застывшем воздухе. Посветил в одну сторону, в другую. – Кебади!

Кипя от злости, выбрался из лабиринта стеллажей, но не успел открыть рот.

– Не нашли? – спросил Кебади. – Вот и я не нашёл, когда уехали люди вашего отца. Я отлучился из замка на пару дней. Пришёл, а тут пусто.

– Довольно! – Адэр грохнул фонарём о стол. – Вы словно сговорились! Куда ни ткнишь, везде Тезар, Тезар, Тезар! Хватит винить его во всех бедах! Где было бы ваше Порубежье, если бы не мой отец? Забыли, как ели лепёшки из крапивы и пили воду из луж?

Кебади открыл книгу на чистой странице, взял перо. Восковые пальцы мелко дрожали.

– После пожара в библиотеке мой дед стал плохо видеть – дым выел ему глаза. А потом и вовсе ослеп. Но у него была удивительная память. Порой мне приходилось писать под его диктовку сутки напролёт. Он боялся забыть, а я боялся не успеть.

Адэр упёрся кулаками в стол:

– Мне плевать, что случилось с твоим дедом.

– А потом он сошёл с ума, – продолжил Кебади, глядя на подрагивающее в руке перо. – Назвал себя первым святым свидетелем и до самой смерти не проронил ни слова. Когда он умер, я нашёл под его периной дневник. Другой бы подумал: каракули ребёнка. А это написал слепой человек. Больной рассудок не давал ему покоя... Дневник лежал у меня в столе. Я не боялся, что его украдут. Кому нужны каракули? Я пытался разобрать почерк деда, но не сумел. Сейчас этот дневник, который забрал ваш Тезар, мне дороже итога всей моей жизни. – Летописец направил на Адэра тоскливый взгляд. – Если вы можете, если это в ваших силах, верните его.

Адэр запрокинул голову. Серый потолок в паутине мелких трещин, на лампах пыльные плафоны, воздух вокруг них подёрнут туманной дымкой. Как же хочется пить!

– Сколько тебе лет, Кебади?

– Семьдесят шесть, мой правитель.

– Почему ты до сих пор здесь? Среди гор никому не нужных бумаг. Почему не обзавёлся семьёй и не живёшь как обычный человек?

– Мои жена и дети умерли во время мора. И я давно уже не верю в Бога. Я потерял всё, чем живёт обычный человек.

– Я верну тебе дневник твоего деда, если его не уничтожили.

Кебади скупно улыбнулся:

– Я вам верю.

Адэр опустил на стул, закинул ногу на ногу:

– Почему Великий создал резервации?

– Я помню нескончаемые вереницы климов и ветонов. Помню крики и плач людей. Помню разрушенные дома. Помню растерзанного озверевшей толпой ориента всего лишь за то, что он принёс на базар рыбу. Но я не помню объяснений Великого, почему он это сделал.

– Завтра я поеду к морскому народу. Расскажи мне о нём.

– Ориенты считают себя детьми Бога моря.

– Даже так? С такими тяжело найти общий язык.

Кебади вернул перо на краешек чернильницы. Вытащил из стола книгу, приложил руку к сердцу, затем пару секунд подержал ладонь на кожаной, потемневшей от времени обложке без надписи. Его действия напоминали ритуал, чем-то похожий на религиозный. Но Кебади не верит в Бога – он сам сказал.

Летописец протянул фолиант Адэру:

– Почитайте на досуге.

Адэр наугад открыл книгу и чуть не задохнулся: в лёгкие хлынул хрустально-чистый воздух. Таким он может быть только высоко в горах, под облаками, но сейчас ледниками и водопадами пахли пепельные, покрытые записями на незнакомом языке листы.

Перевернув страницу, Адэр вдохнул необузданный жар костра и невольно вжался в спинку стула – почудилось, что пламя лизнуло подбородок.

– Что с вами? – прозвучал обеспокоенно голос летописца.

– Чем она пахнет?

– Бумагой, мой правитель. Старой бумагой.

Адэр посмотрел на рукописный текст; графически он сильно отличался от предыдущего. Перевернул ещё страницу и зажмурился от удовольствия: так может благоухать только женщина на пике оргазма. У этого аромата нет названия, но мужчина ни с чем его не спутает. Буквы, точно крылья птиц, создавали иллюзию полёта фраз, и казалось, что строки находятся в еле заметном движении.

– Что это? – спросил Адэр, немного придя в себя.

– «Откровения Странника», священное Писание древних народов Дэмора.

Адэр открыл книгу посередине – в нос ударил запах свежевскопанной кладбищенской земли – и тотчас захлопнул. Почему именно кладбищенской? Он никогда не был на кладбище. С любой похоронной процессией доходил до ворот и незаметно исчезал. Нет, был... Сестра рассказывала, как он, годовалый мальчуган, не задумываясь шагнул в могилу вслед за гробом матери. Надо же... Боль утраты забылась, а запах горя – нет.

Поймав на себе озабоченный взгляд, Адэр положил книгу на угол стола:

– Спасибо, Кебади, но я не смогу прочесть.

– «Откровения» написаны на четырёх языках. Словари взял советник Исаноха. Правда, у нас нет словаря морун. И никогда не было.

– Я вряд ли найду время на их изучение, – сопротивлялся Адэр, с опаской поглядывая на фолиант.

– Сколько языков вы знаете, мой правитель?

– Девять. У меня плохая память на имена и даты, но учителя-иностранцы отлично с ней поладили.

– Знаете тикур, вард?

– Конечно.

– Язык ветонов из той же группы, хотя алфавит и произношение многих слов сильно отличается. Тез – ваш родной язык. А шер и рбса знаете?

– Рбса чуть хуже. В Росьяре я редко бываю.

– Это неважно. Сейчас везде говорят на слоте.

– Для изучения языков важно! В Маншере проходят скачки. По их правилам участники и гости обязаны говорить только на шер. Хочешь не хочешь, а язык будешь знать. – Адэр потёр лоб. Через месяц состязания, а его скакуна там не будет.

Голос Кебади вернул его в архив:

– Очень интересно.

– В Партикураме ежегодно проводят бал-маскарад, – продолжил Адэр. – Общение только на тикуре. Их язык превосходно передаёт чувства. Росьяр славится оперой, у них самый певучий язык. К сожалению, открытие сезона, куда приглашают королей и принцев, приходится на день рождения моего отца.

– Язык климов в одной группе с тез, шер и рбса. С ним вам будет легче всего. А сложнее всего с языком ориентов. Похожей речи нет.

– А язык морун?

Кебади достал из ящика фланелевую тряпочку и снял очки:

– На нём говорят только моруны.

– Расскажи о них, – сказал Адэр тоном, каким обычно просят открыть окно в жарко натопленной гостиной.

– Они живут за долиной Печали, на полуострове Ярул.

Адэр еле сдержался, чтобы не ударить кулаком по столу. Сидит перед ним старик с глазами крота и гнёт себе цену! Каждое слово приходится выуживать.

– Мне говорили, что они подчиняют себе мужчин. Это правда?

Забыв протереть стёкла, Кебади водрузил очки на нос:

– Почему-то никто не говорит, что мужья морунов – однолюбы, способные беззаветно любить и хранить верность. Все только и твердят, что моруны их подчинили.

– Нет дыма без огня.

– Незамужние моруны ищут свою половинку, а когда находят – две половинки становятся одним целым и уже никогда не расстаются.

– И, как в сказке, живут они долго и счастливо и умирают в один день.

Кебади прищурился, словно даже в очках не мог разглядеть Адэра:

– Вы недалеко от истины.

– Я хотел найти здесь летописца, а нашёл сказочника. – Адэр поднялся. Помедлив, взял книгу. – Будет время на очередную сказку – прочту.

– Почему вы не спрашиваете о проклятии морунов?

– Впервые о таком слышу, – солгал Адэр и направился к выходу, с трудом переставляя потяжелевшие ноги.

– Малика простая девушка. Её враги или ваши непременно будут пугать вас проклятием.

Адэр обернулся:

– Оно существует?

– Скорее да, чем нет. Но вам не стоит беспокоиться. Проклятие настигает того, кто убивает моруна или овладевает моруной против её воли.

– Что происходит с насильником?

– Он сходит с ума.

– А с убийцей?

– Вымирает весь его род.

Вернувшись в кабинет, Адэр бросил на стол книгу и уставился в окно. Если то, что сказал Кебади, то, о чём предупреждали Трой и Лаел, – правда... Даже если это вымысел, нужны ли ему за спиной лишние пересуды, которых и так хватает? Не проще ли выгнать Малику и забыть о своей ошибке?

Он вышагивал по коридору флигеля, в котором обитала челядь, и колотил во все двери. Из комнат выглядывали перепуганные слуги и тут же ныряли обратно.

– Что здесь происходит? – прозвучал старческий голос из глубины коридора. – Мой правитель?..

– Вот ты где! – рявкнул Адэр и подошёл к Муну.

Вытаращив глаза, старик попятился в комнату, споткнулся о домотканый половик. Потеряв равновесие, завалился на узкую, застланную клетчатым одеялом кровать. Панцирная сетка резко ухнула и подкинула Муна.

Комичность сцены слегка охладила разгорячённую голову. Адэр закрыл дверь, поставил перед кроватью стул с потёртым дерматиновым сиденьем и осмотрелся.

Комната была крохотной, как в домике для кукол – такой он подарил племянницам на Новый год. Чудный домик с чудной мебелью, здесь же «чудно» пахло нищетой. На столе вышитая крестиком салфетка. Малика вышивала? Вряд ли. Тяжело представить её с шитьём в руках. Бельевой шкаф на две створки и настоящий раритет – сундук, обитый бронзой. На окне ситцевая занавеска, к верхнему углу пришилена бабочка из выгоревшего бисера. Детская поделка Малики? Верится с трудом. Она, скорее всего, корпела над книгами, пока кто-то вместо неё нанизывал бисер на леску.

Над кроватью булавкой приколот потускневший от времени рисунок: море, лодка и солнце. Рисовала Малика. Странно, откуда такая уверенность? Может, потому что на море шторм, а лодка наперекор здравому рассудку идёт под парусом?

– Мой правитель, – еле слышно произнёс Мун. – Я провинился?

Он сидел на краешке постели, сцепив худые пальцы. Острые колени, выпирающие из льняных штанин, мелко тряслись. Смуглое лицо приобрело землистый цвет.

– Почему ты в замке? – спросил Адэр.

– Я не понимаю вас.

– Как ты, ориент, оказался в моём замке?

– Нас с Маликой приютил наместник. Это было двадцать лет назад.

– Почему ты покинул резервацию?

– Я покинул земли ориентов задолго до Указа Великого.

Адэр поставил ногу на край кровати, упёрся локтем в колено:

– Ты пришёл в замок, когда закон уже приняли.

– Нам некуда было идти, – с неожиданной злостью сказал Мун. – Я никому не был нужен с ребёнком на руках. Меня отовсюду гнали. Отовсюду. И только наместник нас пригрел.

– Что произошло с её родителями?

Старик потупил взгляд.

– Я твой правитель, Мун! Отвечай правителю!

– Когда родилась Малика... – прозвучал бесцветный голос.

– Ты хотел сказать – Эйра.

Мун вскинул голову:

– Вы знаете? Это она вам сказала?

– Рассказывай!

– Эйре суждено было стать верховной жрицей морун.

– Почему этого не произошло?

Старик сложил ладони перед грудью:

– Поклянись, что ничего ей не скажете.

– Ты в своём уме?

– Молю вас!

Адэр задумался. Что он теряет? Выслушает очередную сказку, вышвырнет из замка Малику со стариком и забудет о них.

– Обещаю.

Мун уронил руки на колени:

– Я сказал Эйре, что её отец умер от болезни. Это неправда. Я был рядом с ним с первого и до последнего дня. Менял пелёнки, учил ходить. Его первым словом было моё имя. Пока мы жили среди ориентов, я был счастлив. Но он полюбил моруну. Ориенты ополчились, и нам пришлось перебраться за долину Печали. – Мун вздохнул. – Мы ждали рождения Эйры, у морун первой рождается девочка.

– Почему скрыли её настоящее имя?

– Я расскажу по порядку. – Старик помолчал, разглядывая руки. – Когда мы уходили от ориентов, оставили все вещи. Среди них был жемчуг.

- Откуда у бедных ориентов жемчуг?
- Его ловили наши предки. Он перешёл к нам по наследству.
- Ладно, – кивнул Адэр. – Продолжай.

– Мой мальчик надумал сходить к ориентам за жемчугом, чтобы сделать жене подарок на день рождения дочери. По дороге мы остановились на ночлег в одном городе. Зашли в трактир перекусить. Там проходили торги – продавали невинность маленькой девочки. Бедное дитя дрожало, как осинка на ветру, а вокруг одни мужики.

Мун достал из кармана платок:

– Мой мальчик не выдержал и заступился за ребёнка. Нас выволокли на улицу. Меня повалили на землю, и двое сели сверху. А его били. Били долго. Ногами, палками. Я кричал, звал на помощь, пока был голос. Потом просто хрипел. Мимо шли люди. Они шли и уходили...

По морщинистым щекам потекли слёзы. Мун вытер лицо платком:

– Я принёс его тело к морунам. В ту же ночь родилась Эйра. Малика – так звали её маму – молчала три года. Однажды ночью я проснулся от того, что кто-то толкал меня в плечо. Передо мной стояла Малика, прижимая к себе спящую Эйру. Я без слов последовал за ней. Мы прошли через долину Печали. Добрались до злополучного города, отыскивали площадь, где убили моего мальчика. Сняли комнату. Ночью отправились в проклятый трактир. Притаились в тёмном уголке. Убийцы оказались завсегдатаями. Я указал на всех... Весь следующий день Малика играла с Эйрой и впервые за три года смеялась. Но её глаза... Они до сих пор стоят передо мной. Глаза мёртвого человека.

– Достаточно, Мун.

– Вечером она уложила Эйру и под села ко мне. «Мун! Что ты хочешь ему передать?» Я просил её никуда не ходить, умолял покинуть этот чёртов город. Но она ушла. – Мун обхватил себя за плечи. – Её не было всю ночь. Я бегал от окна к окну, выходил на улицу, смотрел в чёрное небо. Утром пришёл страж и повёл меня на опознание.

Адэр порывисто поднялся:

– Довольно!

– Я узнал её с трудом. Страж зачитал мне протокол с места преступления. Очевидцы рассказывали, что она зарезала двух добропорядочных граждан. – Старик надрывно рассмеялся. – Знал бы он, что такое «добропорядочность». На неё кинулись все, кто был в трактире, и уволокли на задний двор.

Адэр направился к двери.

– Почему вы уходите? – прошептал Мун.

– Всё, что мне надо, я услышал.

– Вы спросили, почему мы здесь. Так найдите в себе силы дослушать до конца.

Адэр уставился на рисунок над кроватью:

– Хорошо, я дослушаю.

– Я скитался с Эйрой в поисках угла и случайного заработка, – продолжил Мун. – Ночевал на сеновалах, в подворотнях. Нас отовсюду гнали. Эйра всё время плакала и звала мать. Я забрёл сюда случайно, хотел в саду провести ночь. Но Эйру услышали. Наместник велел выделить нам комнату и привести лекаря. Доктор спросил, как зовут ребёнка. А Эйра возьми и скажи: «Малика». Так имя к ней и прилипло. Потом я отработывал расходы наместника. Так и остался.

– Почему ты не вернулся к морунам?

– Я... я боялся, что они заберут у меня Эйру. Они моруны, а я ориент. Зачем им я? Без Эйры мне незачем жить.

Адэр подошёл к окну, посмотрел на пустую аллею. На ветках кустарника покачивалась стайка пичуг. Стоило одной птахе сорваться с места, как вспорхнули остальные. Миг, и серое оперение растворилось в ярко-голубом небе. Стадное чувство... закон толпы...

– Убийц наказали? – спросил Адэр.

– Не знаю. Мне даже не разрешили похоронить Малику. Я забрал Эйру и ушёл.

– Как называется город?

– Зурбун, мой правитель.

Адэр открыл дверь и оглянулся:

– Разговора не было.

Мун вскочил на ноги и согнулся в три погибели:

– Спасибо, мой правитель.

Закрыв за собой дверь, Адэр с облегчением выдохнул. Мать Малики прожила без мужа три года и была бы жива до сих пор, если бы не решила отомстить. Её убийцы не побоялись проклятия. А значит, всё, что рассказали Трой, Лаел и Кебади, – чистой воды страшилка для доверчивых глупцов.

Часть вторая

~ 1 ~

Страж возился с колесом, отпуская под нос ругательства. Малика сидела в тени камня и пыталась вспомнить, где видела этого человека. Темноволосый. Правильные черты лица. Брови точно крылья ворона. Светло-серые, как сталь, глаза.

– Сейчас получится. Ещё немного, и встанет как надо, – говорил он в перерывах между воспоминаниями о самках собак и их потомстве.

– Ты впервые меняешь колесо? – в сотый раз спросил маркиз Мави Безбур.

– Не впервые. Уж больно крепления мудрёные, – в сотый раз ответил страж и принялся перечислять части тела человека.

Он ругался тихо, не говорил, а выдыхал фразы, но предательский ветерок доносил их до ушей Малики. Она бледнела, краснела, однако камень, за которым можно было спрятаться от жгучего солнца, поблизости был единственным.

Вышагивая вокруг автомобиля, Мави Безбур похлопывал в ладони. Он жалел, что высадил личного водителя – тот два раза чихнул, пока машина катила по аллее. Понимал, что в любом случае опоздает на важную встречу, и злился на нестерпимую жару. Мави давно скинул пиджак, снял галстук и едва не до середины груди расстегнул рубашку. На гладком лице без единой морщинки блестел пот.

– Если пойти сейчас, успеем вернуться в замок засветло, – подала голос Малика.

– И бросим машину? – возмутился Безбур.

– Здесь никто не ходит. Что с ней случится?

– С ней – ничего, а я вряд ли дойду.

Заткнув подол длинной юбки под пояс, Малика сбросила с ног туфли и вскарабкалась на горячий камень. На горизонте темнел замок. Маши, не маши – никто не увидит. Уже хотела прыгнуть на землю, как краем глаза заметила грязно-розовое пятно. Человек? Человек. Идёт медленно и что-то тащит.

Малика приложила ко лбу ладонь козырьком:

– Вельма?..

– Готово! – с гордостью произнёс страж и принялся складывать инструмент в ящик.

Малика соскочила с камня:

– Маркиз Безбур! Прошу вас, давайте чуть-чуть вернёмся. Там служанка. С ней что-то не так.

Это была действительно Вельма. Платье пыльное, в разводах от пота. Из-под повязки на голове выбились белокурые локоны. Некогда беломраморное лицо покрылось красными пятнами. Глядя на затормозивший автомобиль, Вельма выпустила ручку дорожного сундука, который перед этим тащила волоком по земле. Поправила рукава, сползшие с чудно-округлённых плеч.

Малика выбралась из салона:

– Ты куда идёшь, Вельма?

– К тётке в гости.

– В такую-то жару. Нашла время.

Безбур высунулся из окна:

– Малика! Ещё минута, и можно никуда не ехать.

Она открыла дверцу:

– Садись, Вельма.

– Нельзя подбирать всех подряд, – забеспокоился Безбур. – А вдруг она больная?

– Это личная служанка правителя, – ответила Малика и попросила стража поставить сундук в багажник.

Вельма забила в угол сиденья и закрыла глаза. На каждом бугорке её руки безвольно соскальзывали с коленей, она вновь укладывала их поверх платья и сидела неподвижно до следующего бугорка.

– Вельма, – прошептала Малика. – Где живёт твоя тётка?

– В городе.

– В каком городе, Вельма? В Порубежье много городов.

– В самом большом.

– В Ларжетае?

Вельма кивнула.

– Ты не говорила, что у тебя есть тётка, – не унималась Малика.

– Я не обязана рассказывать о ней всем подряд.

Янтарное солнце клонилось к земле. Ветер, врываясь в открытые окна, дышал в лицо мелкой пылью и нестерпимым жаром. Покачиваясь на переднем сиденье, маркиз Безбур посапывал, а Малика смотрела в спину стража и пыталась вспомнить... Он бросил взгляд на её отражение в зеркале заднего вида. Обычный любопытный взгляд, но блеснувшая в глазах сталь заставила Малику вжаться в кресло. Бурнус! Из бандитского лагеря! Он точно так же сверкнул глазами, перед тем как её ударить.

– Как тебя зовут? – вмиг охрипла Малика.

– Драго, моя госпожа, – пробилось сквозь надрывный стук сердца в ушах.

– Ты ветон? – спросила она и увидела в зеркале, как напряглись скулы на красивом лице.

– Почему молчишь, Драго?

– Ветон. Наполовину. Мать здешняя, отец родом из Бойварда.

Малика потёрла ладонью грудь. Это не Бурнус. Не он. Бурнус чистокровный ветон. У них чёрные волосы, а у стража тёмно-каштановые.

– Твои родители живут в резервации?

– Мать умерла, отец женился на переселенке из Маншера. Он боялся, что меня «закроют» и записал добровольцем в армию Тезара. Я служил с Криксом.

– Ты очень похож на одного человека.

– Ветоны все чуть-чуть похожи друг на друга. – Драго помолчал, глядя на дорогу. – Говорят, вы всю жизнь провели в замке.

– Это так.

– Я не видел там ни одного ветона. Как вы догадались, кто я?

Малика пожала плечами:

– Догадалась.

– А вы правда моруна?

– Правда.

– Но вы обычная женщина.

– Ты ожидал увидеть у меня копыта или хвост?

– Простите. В детстве наслушался сказок.

– Это хорошо, Драго. Значит, ты понимаешь, с кем имеешь дело.

Он кивнул.

– И я знаю, – произнесла Малика и чуть тише добавила: – С кем имею дело.

Драго зыркнул в зеркало и уставился на дорогу.

Поздно вечером автомобиль въехал в столицу. По улицам двигался поток машин, по тротуарам прогуливались шумные компании и влюблённые парочки. А Малика неотрывно смотрела

рела на Вельму. Прильнув носом к окну, пассия Адэра разглядывала светящиеся витрины магазинов и вывески кафе и ресторанов.

– Куда ехать? – спросил страж.

– Вельма, где живёт твоя тётка? – поинтересовалась Малика.

– Она наверняка уже спит. И я не могу заявиться к ней в таком виде.

– Сейчас прямо, Драго. Я скажу, где свернуть.

Через полчаса страж затормозил перед трёхэтажным зданием со спиралевидными колоннами и массивной лепниной под крышей. По бокам лестницы и вдоль фасада стояли ажурные шандалы с сочно-зелёными лампами. В их свете стены гостиницы переливались изумрудным шёлком. Окна были тёмными, кроме одного – у входа.

– Не знаю, как внутри, но снаружи просто превосходно! – отметил Безбур.

– Спасибо, – улыбнулась Малика. – Гостиница пока что не работает, все комнаты свободны. Останетесь?

– Нет, Малика. Надеюсь, меня ещё ждут. Я заеду за вами завтра вечером.

Избегая смотреть на Малику, Драго вытащил из багажника поклажу и быстро вернулся за руль, будто боялся, что маркиз передумает брать его с собой. Не прошло и минуты, как автомобиль скрылся за поворотом.

Малика взяла чемодан и схватилась за ручку сундука:

– Вельма, понесли.

Пассия Адэра с неподдельным страхом глазела на двух чёрных собак, лежащих возле двери.

– Вельма! Бери сундук! – прикрикнула Малика.

– Не укусят?

– Они мраморные.

– А как настоящие.

– Идём, Вельма!

– Я забыла деньги в замке. Мне нечем заплатить за ночлег.

– Это моя гостиница.

Вельма вытщила глаза:

– Правда?

– Правда, Вельма. Пошли!

Едва они подняли сундук, как из здания появился Таали:

– И как я выглянул в окно? А лёг бы спать – тянули бы такую тяжесть сами. – Вытащил сундук в вестибюль, бережно опустил на сверкающий паркет.

– Это всё-всё твоё? – спросила Вельма, озираясь.

– Да, моё, – подтвердила Малика.

– Даже не верится! – Вельма раскинула руки и закружилась. Повязка соскользнула с головы, белокурые локоны упали на плечи и спину. – Какая красота!

С улыбкой глядя на девушку, Таали почесал ребро ладони:

– Проголодались, наверное. Сейчас сбегая, куплю чего-нибудь перекусить.

– Не надо, Таали. Иди домой. – Малика подхватила чемодан и взялась за ручку сундука. – Вельма!

– Не трогайте! – вскричал Таали. – Паркет поцарапаете. Я сам понесу.

За окном светился фонарь, и комната тонула в зелёном полумраке. Кутаясь в плед, Малика вслушивалась в ночную тишину. За стеной спала причина её нестерпимых мук. Страсть Адэра к Вельме изводила Малику сильнее, чем его безразличие, а порой презрение к ней, к своему старшему советнику. Каждую ночь она ждала, когда лопнет первая сердечная струна. Первая... Сколько их – Малика не знала. Тайна морун обнажается и умирает с последней струной. Пока Вельма здесь, можно спать спокойно, только уснуть не получалось.

Вдруг стало холодно. Казалось, что голова изнутри покрывается инеем. Малика прижала ладони к вискам и выгнулась от прострела в груди, словно в неё вонзили раскалённый прут. Раскрыв рот, учащённо задышала, пытаясь остудить пылающие лёгкие.

У него другая... В постели Адэра другая!

Кровь разносила по телу жгучую боль. Боль пережёвывала каждую клеточку. Каждая клеточка умоляла прекратить пытку огнём. Малика потянулась к графину с водой. Вот здесь... на тумбочке... Послышался звон стекла. Чёрт... разбился... По спине пробежали колкие мурашки. Малика успела закусить уголок подушки и, прижав колени к груди, взвыла.

На лоб легла ледяная ладонь.

– Малика! Ты заболела?

Она мотнула головой и вновь выгнулась. Яркий свет резанул по зрачкам.

– Я сбегая за доктором.

– Свет...

– Малика, где живёт доктор?

– Свет... мешает...

Щёлкнул выключатель, в глазах потемнело.

– Боже мой... Что делать? Малика!

– Воды...

– Я за доктором.

– Не надо... Воды...

Губ коснулось стекло. Малика торопливо глотала холодную воду.

– Малика! Мне страшно!

– Сейчас пройдёт. Это сон, – стуча зубами о стакан, прошептала она и захлебнулась водой: пылающий прут проткнул горло.

Стук каблуков доносился со всех сторон и отдавался в голове звонким эхом. Скрип оконной рамы чуть не разорвал ушные перепонки.

– Сядь! – из последних сил крикнула Малика, и боль вдруг отступила: или Адэр устал за день, или девица не понравилась.

Руку сжали прохладные пальцы.

– Ты вся горяшь.

– Мне приснился кошмар, – прошептала Малика и ухнула в бездонную яму.

Тёплый луч скользнул по щеке и заставил открыть глаза. Вельма сидела у кровати и с тревогой всматривалась Малике в лицо:

– Как ты?

– Ты приходила ко мне ночью?

Вельма кивнула.

– Я тебя напугала?

– Мне тоже иногда снятся плохие сны. Я просыпаюсь, опять засыпаю. А потом ничего не помню. А ты помнишь?

– Мне приснилось, что я умерла.

– Нет, – покачала Вельма головой. – Мне такие кошмары не снились. Я бы такое запомнила.

– Тебе надо идти.

– Я тебя не оставляю. Побуду с тобой до вечера.

– Малика! Я пришёл, – раздался в коридоре голос Таали.

– Скажи, чтобы подождал, – велела Малика. – И надень другое платье.

Вельма выбралась из кресла, пригладила кружевную юбку:

- Я надела его полчаса назад.
- Мне не нравится слишком открытая грудь.
- Всем нравится, а тебе – нет.
- И не нравится, что оно просвечивает.
- Ну, знаешь ли! Мы не в замке.
- Или ты сменишь платье, или отправляйся к тётке!

Горя негодованием, Вельма удалилась.

Малика обошла все комнаты, придирчиво осматривая каждый закуток. За спиной ни на минуту не прекращался разговор. Таали красноречиво описывал картину, которая предстала перед ним, когда он впервые переступил порог гостиницы. Вельма ахала, охала и без устали нахваливала работу строителей.

Здание было полностью отремонтировано, но мебель, укрытая белыми чехлами, ещё загромождала коридоры и залы.

– Не успели расставить, – произнёс Таали, опережая вопрос Малики. – Мои ребята хотели растащить её по комнатам, художники взбунтовались. Видите ли, сами хотят заняться обстановкой номеров.

– Не противься, – бросила она через плечо.

– На этой неделе должны привезти картины и ковры. – Таали догнал Малику и пошёл рядом. – Вам надо купить посуду и всякую дребедень, которую любят дворяне. В слониках, пастушках и шкатулках я ничего не понимаю.

– Пастушками пусть займутся художники.

Таали шлёпнул себя по лбу:

– Совсем забыл. Они требуют цветы.

– Зачем?

– Говорят, для красоты. Замучили меня со своими цветами. Я их из пальца выдую? – Таали забежал вперёд и услужливо распахнул перед Маликой и Вельмой двери гостевой залы. – Тут работы осталось всего ничего: там подмазать, там подкрасить. Отделочниками командует мой брат.

Учув недомолвку, Малика насторожилась.

– Найдите мне замену. Мои ребятки на другом объекте спину гнут, а я с мазилами воюю. Руки плачут по кельме. – Таали похлопал себя по животу. – Бурдюк вырос.

– Я думала, ты поможешь мне с делами в гостинице.

– Так всё, что я мог, я уже сделал. А больше я ничего не могу.

– Хорошо, Таали. Дай мне неделю, – сказала Малика и, осмотрев гостевую залу, направилась на первый этаж.

Стоило ей выйти на улицу, как уши заполонил шум большого города: сигналили машины, лоточники нахваливали пирожки и мороженое, ватаги детей со смехом бегали по площади.

Вельма спустилась вслед за Маликой с лестницы и оглянулась:

– Странно, ночью мне показалось, что она зелёная.

На самом деле гостиница была перламутровой, как внутренний слой жемчужницы. В пасмурную погоду стены приобретали оттенок серого неба. В лучах солнца блестели позолотой. Если вечером на шандалах заменить зелёные светильники красными, здание запылает, будто огромный костёр.

Малика посмотрела через плечо и печально улыбнулась: для неё все краски размыты, словно разведены грязной водой. Она никогда не познает всё великолепие разноцветного мира, поскольку полюбила человека, который никогда не будет ей принадлежать.

Сидя на летней площадке кафе и потягивая сок лесных ягод, Малика украдкой поглядывала на Вельму. Солнечные ожоги на лице девушки побледнели и легли ровным загаром.

Красиво очерченные коралловые губы, слегка заострённый нос, капризно изогнутые брови и голубые глаза с поволокой. Вилар говорил, что Вельма – жалкое подобие Галисии. Интересно, какая она?

– Я ведь тоже могла каждый день гулять по этой площади, – проговорила Вельма, ковыряя вилкой омлет. – И угораздило меня родиться в тайге.

– Ты надолго к тётке?

– Не знаю. Как будет принимать.

– Почему ты о ней не рассказывала?

– У меня было время на рассказы?

Малика отставила бокал:

– Доедай быстрее. У нас много дел.

Они побывали в нескольких магазинах посуды, договорились о доставке, и только после посещения банка Малика чётко знала, куда теперь им идти. Зарин по секрету поведал, кто занимался подготовкой и проведением торжества, посвящённого двадцатилетию открытия отделения «ЮвелиБанка» в Порубежье.

Открыв дверь со скромной табличкой: «Организация праздников», Малика и Вельма вошли в светлую комнату. Возле окна – столик, окружённый мягкими креслами на низких ножках. На полу пушистый ковёр в тон нежно-лиловых стен.

Из смежной комнаты появилась невысокая смуглая девушка, посмотрела с немим вопросом и расплылась в ослепительной улыбке:

– А я вас знаю. Вы Малика, хозяйка гостиницы. Кстати, почему такая красивая гостиница и до сих пор без названия?

Малика не успела ответить, как очутилась в кресле с фотоальбомом в руках. Вельма уселась рядом.

– Йашуа, – представилась смуглянка и расположилась в кресле напротив. – Необычное имя. Зато не забывается.

Малика открыла альбом.

– Посмотрите, какие гостиницы. Доброго слова не стоят, а названия... – Йашуа забавно сморщила нос. – «Император», «Звезда»... Какую будем готовить вывеску?

– «Дэмор».

Йашуа склонила голову к плечу. Из глаз цвета морской волны исчезло веселье.

– «Дэмор»?

– Да. И только так.

– Хорошо. Пусть будет «убежище морун».

– Вы знаете, как переводится это слово? – опешила Малика.

– Конечно. Я вам никого не напоминаю?

– Неужели ориентка?

Йашуа улыбнулась:

– Ориентом был мой дед. Извините, Малика, но я не буду смотреть вам в глаза. Хорошо?

Малика кивнула и отложила альбом:

– Вообще-то я пришла к вам по другому поводу.

Беседа затянулась до вечера. Вельма, глуповато улыбаясь, наматывала на палец пояска платья. Малика не обращала на неё внимания. Вниманием завладела Йашуа: её глаза таинственно мерцали, плавные движения гибких рук завораживали, а низкий голос уносил к морю, где о берег с тихим шуршанием тёрлись волны.

Посмотрев на настенные часы, Малика вскочила:

– Бог мой! Вельма! Мы опаздываем. Йашуа! Ради бога простите, но нам надо идти. Вы поняли, что я хочу. Подумайте, а я загляну к вам через неделю.

В вестибюле гостиницы их встретил Таали. Оказывается, приезжал страж, сказал, что маркиз Безбур передаёт свои извинения и просит быть готовыми к отъезду завтра в полдень.

Вельма хлопнула ладонями себя по бёдрам:

– Ну вот, зря бежали.

– Я провожу тебя к тётке, а Таали поможет донести сундук. Да, Таали?

– Конечно донесу!

Вельма схватила Малику за руку:

– Я тебя не оставлю! А вдруг опять ночной кошмар, а ты одна.

До самой темноты они просидели на лавочке в парке. Вельма молчала. Молчала и Малика. Вернувшись в гостиницу, вошла в спальню и заперла дверь на ключ. Больше никто не будет свидетелем её слабости.

~ 2 ~

Услышав о том, куда собрался правитель, Макидор, оппонент Адэра в дискуссиях о моде, без пререканий принёс любимые сапоги, льняные штаны и рубаху свободного покроя. Зато Исаноха нарядился как на званый ужин. Едва они отъехали от замка, советник развязал галстук, а немного погодя расстегнул верхние пуговицы на шёлковой сорочке.

Машина охраны катила впереди, огибая кусты и камни. Солнечные лучи отскакивали от её ветрового стекла и слепили глаза. Была ещё одна причина, вынуждающая Адэра держать дистанцию: пыль, поднимаемая широкими колёсами. Расстояние между автомобилями не спасало. Изнывая от жары и духоты, Адэр то и дело сплёвывал слюну и вытирал платком лицо, шершавое от песка.

Исаноха не выдержал. Снял пиджак и швырнул его на заднее сиденье.

– Вы специально так оделись? – спросил Адэр. – Вы же знаете, куда мы едем.

– Жаль, что единственного человека, который мог бы вас остановить, нет в замке, – проговорил советник.

– Кто этот человек? Крикс Силар?

– Малика.

– Как я понял, к ориентам вы не пойдёте, – усмехнулся Адэр.

Исаноха вскинул брови:

– В резервацию? Нет уж, увольте.

На это Адэр и рассчитывал. Ему не нужен свидетель переговоров с Йола – он нуждался в попутчике, который знает хоть что-то о морском народе.

– Я вам прямо сказал, что мне не нравится ваша идея, – вновь подал голос Исаноха. – Изучение лучше начинать с более цивилизованных народов. Например, с клана тезов.

– В этом «клане» я прожил двадцать пять лет, – хохотнул Адэр.

– За время колонизации численность тезов перевалила за пять миллионов. У клана четыре сотни селений и пять городов. Их главный город – Зурбун.

– Зурбун?

– Да, мой правитель. Что вас удивило?

Адэр стёр со лба пот:

– Название. Где-то слышал.

На горизонте небо приобрело цвет морской волны. Доносились крики чаек, и ощущалось мерное дыхание моря, придающее воздуху ни с чем не сравнимый запах.

Исаноха высунул руку из окна и подставил ладонь горячему ветру:

– Орэс ошибался, когда говорил о двух столпах власти. Третий столп – ваши бывшие соотечественники. Они ваша сила, а не морской народ. Ориентам нельзя доверять. У них иная система ценностей. Они отвергают всё, что идёт вразрез с их мировоззрением. Интересы

страны их совершенно не интересуют. Наряду с ними стоят климы и ветоны. Эти три народа двадцать лет назад разругались в пух и прах. Великий не зря закрыл их в резервациях.

Адэр объехал гряду камней, заглушил двигатель и выбрался из салона.

Один страж – кряжистый, среднего роста – рылся в багажнике машины охраны. Второй – тонкокостный, гибкий, как гимнаст, – склонился над краем обрыва:

– Здесь целых двадцать метров, Ютал.

– Двадцать? – переспросил коренастый страж, покачивая в руке моток верёвки. – У нас только пятнадцать. А дальше? Посмотри дальше, Лайс.

Адэр подошёл к обрыву. Пенные волны лениво накатывали на белый песок. Над водой сварливой стаей носились чайки. В полумиле от берега стояли на якоре две утлые рыбацкие шхуны. Лагерь ориентов находился напротив парусников, но с того места, где остановились машины, он не был виден: обзору мешал скальный обломок. Это даже к лучшему. Не хотелось выступать перед ориентами в роли неумехи-скалолаза.

Исаноха присоединился к Адэру. С опаской глянул вниз:

– Во владениях маркиза Безбура есть спуск к морю.

– Знаю. До его владений пять миль. Жалко времени.

– Мой правитель, можете подойти? – крикнул «гимнаст» и указал на выступающие из склона камни. – Я попробую спуститься.

– Хочешь на этот раз свернуть шею себе? – проворчал Ютал.

Расстановка слов в реплике навела Адэра на мысль, что «гимнаст» уже сворачивал кому-то шею. Следующая мысль успокоила: местные стражи в большинстве люди необразованные и не умеют строить фразы правильно.

«Гимнаст» снял сапоги и сбросил вниз.

– Ну ты и балбес, Лайс! – воскликнул Ютал. – Зачем сапоги кинул?

– Так я точно спущусь. Сапоги-то памятные, матушка дарила. – Лайс сделал на конце верёвки петлю, затянул на запястье и обратился к приятелю: – Верёвку не натягивай и не дёргай. Если повисну, не тащи. Понял?

Ютал кивнул:

– Совсем перегрелся. Что тут непонятного?

Лайс распластался по земле. Вонзил растопыренные пальцы в растрескавшуюся от жары почву и свесил с края ноги. Спустился ещё чуть-чуть. Звучно втянул в себя воздух.

– Что там? – спросил Ютал.

– Камни горячие.

Адэр с интересом наблюдал за кошачьими движениями Лайса, как он цепляется пальцами за выступы, как ищет ногой опору, как замедленно вытягивает руки, держа вес тела.

– Верёвке гаплык! – крикнул Ютал.

– Понял, – отозвался Лайс, зубами ослабил петлю на запястье и высвободил руку.

Наконец спрыгнул на берег, издал гортанный крик, разбежался и вдруг совершил прыжок через голову с переворотом тела в воздухе. Адэр присвистнул от восторга.

– Гимнаст! – с неподдельной гордостью сказал Ютал. – В цирке работал, пока шею не свернул.

Адэр оглянулся на стража. С довольного лица вмиг схлынула краска. Сообразив, что сболтнул лишнее, Ютал принялся суетливо сматывать верёвку.

Адэр снял сапоги и сбросил с обрыва.

– Мой правитель! – вскричал Исаноха. – Я вам не позволю!

Адэр выхватил из рук Ютала петлю:

– Подгони машину поближе.

– Мой правитель! – визгливо произнёс Исаноха. – Вы можете скинуть меня, как сапоги, но я не разрешу вам совершить непоправимую ошибку.

– Вашей единственной непоправимой ошибкой, Исаноха, было согласие стать моим советником.

Пока Ютал привязывал верёвку к буксировочной проушине, Исаноха вышагивал взад-вперёд, поигрывая желваками на скулах.

Адэр затянул петлю на запястье, ещё раз посмотрел с обрыва вниз. Может, действительно поехать в поместье Безбура? Пять миль до лагеря, по песку, столько же обратно. По дороге можно искупаться. Когда он последний раз плавал в море? Да никогда. Прилюдно плескаться положение не позволяло. Вдали от пронырливых глаз – только яхта, с которой он боялся нырять и стыдился перед друзьями спускаться по трапу. Боязнь высоты выдавал за аллергию на морскую соль. Когда ещё ему представится возможность побороться с этим страхом? Ущелье Испытаний не в счёт – там не было выбора.

Полный любопытства взгляд стоящего на берегу Лайса, забота, с какой проверял Ютал петлю на запястье, и недовольный вид Исанохи перевесили чашку весов в пользу схватки с высотой.

– Скоро не ждите, – сказал Адэр и лёг на землю.

– Я не могу на это смотреть, – проговорил Исаноха, сел в машину и громко хлопнул дверцей.

Спускаясь лицом к скале и борясь с неприятным брожением в желудке, Адэр цеплялся взглядом за скудную траву, чудом выросшую в узких разломах, и старался не замечать бегающих по отвесной стене ящериц. Несколько раз нога соскальзывала с камня, по телу прокатывалась волна колючего озноба, по спине струился пот. На ладонях и стопах саднили раны от острых выступов.

– Мой правитель, снимайте петлю, – раздался сверху голос Ютала. – Верёвка закончилась.

– Лайс, сколько ещё? – крикнул Адэр, силясь утихомирить дрожь.

– Немного. Метров семь, не больше.

Адэр упёрся лбом в камень и закрыл глаза. Сейчас есть выбор. Когда он высвободит руку, выбора не будет. Позади бóльшая часть пути, пройденного почти без сучка и задоринки. Минуту назад всё вокруг благоухало свежим бризом с примесью запахов иссушенной зноем земли и разгорячённой солнцем скалы – теперь в воздухе разливалась противная горечь. Неужели вера в петлю на запястье могущественнее веры в себя?

Спрыгнув с последнего выступа, Адэр рухнул на песок и вытер лицо полой рубашки. Посмотрел вверх – он сделал это! Возможно, «гимнасту» спуск дался намного легче, без бешеного сердцебиения и судорог в мышцах. Возможно, для него схватка с высотой – привычный риск, но для отпрыска Великого – подвиг.

Адэр перевёл дух и побрёл по берегу, оставляя следы на песке, прилизанному пенными волнами.

Первыми заметили незнакомцев дети. Запищали и разбежались, как испуганные тенью орла цыплята. Женщины побросали половники в бурлящие над кострами котелки и ринулись вслед за детворой: в самодельные шатры из парусины или в тёмные пещеры. Сидя возле натянутых между жердинами сетей, молодые мужчины отложили иглы и катушки с нитью. Их загорелые, обнажённые до пояса тела напрялись и взбугрились силой. Старики поднялись с перевёрнутых лодок.

От порыва ветра хлопнули на верёвках одеяла, костры прижались к земле, пламя заметалось из стороны в сторону, зашипело.

– Нам не рады, – тихо проговорил Лайс, шагая рядом с Адэром. – У меня под левым рукавом охотничий нож в чехле. Это так, чтобы вы знали.

– У меня под рубахой. Сзади. Но ты этого не знаешь.

Лайс кивнул:

- Могила.
- Адэр остановился возле крайнего шатра:
- Мне нужен Йола.
- А ты кто такой? – спросил старик и поднял с песка весло.
- Его примеру последовали остальные старики.
- Перед вами правитель Порубежья Адэр Карро, – произнёс Лайс.
- Адэр поёжился под буравящими взглядами.
- Правитель, говоришь? А нам откуда знать, что ты не врёшь?
- Вы спасли моего друга, маркиза Бархата, и помогли моим людям обезвредить банду в «Провале», – сказал Адэр. – Об этом знает только правитель.
- Я затыкал уши горным воском, который дал нам Йола, – добавил Лайс.
- Йола уплыл в другой лагерь, – сообщил старик. – Будет ближе к ночи.
- Я подожду, – проговорил Адэр. Сел на перевёрнутую лодку спиной к ориентам и поставил лицо солнцу.

Лагерь ориентов ожил. Чужаки сидели спиной к хозяевам и не боялись предательского удара сзади, а значит, и морскому народу нечего бояться. Мужчины продолжили чинить сети. Старики заняли места на лодках слева и справа от непрошенных гостей. Женщины вернулись к котелкам. Дети высунулись из пещер и шатров. Безмолвной стайкой метнулись в одну сторону, в другую. Осмелев, уселись на мелкий и вязкий, как пластилин, песок и уставились на Адэра. А он вслушивался в мёртвую тишину за спиной, вдыхал солёный ветер, плечом чувствовал плечо Лайса и до рези в глазах всматривался в зыбкий горизонт.

Ждать пришлось недолго. Йола вынырнул в нескольких метрах от берега. Детей как волной смыло. Выйдя из воды, старик потряс седыми космами. Отжал низ холстяных штанин. Развёл сухощавые руки, покрутился на месте, подставляя солнцу утратившее упругость тело. Подбежавший юноша помог ему надеть рубаху и повязать на голову белый платок.

Йола подошёл к Адэру и поклонился:

- Мой правитель.
- Мне сказали, что ты вернёшься к ночи.
- Старик указал на склон:
- Йола увидел, как спускались люди.
- Надо поговорить.
- Гостям надо пообедать.
- Не будем терять время. – Адэр хлопнул ладонью по днищу лодки. – Садись, Йола.
- Правитель уважает обычаи морского народа?

Адэр нехотя поднялся, а когда повернулся к лагерю лицом, опешил. Между шатрами были расстелены домотканые полотна. На них стояли глиняные блюда с печёной, варёной и вяленой рыбой. На блюдах поменьше горкой лежали куски ржаного хлеба. Видимо, дующий с моря ветер прижимал запахи к скале, раз он их не ощутил.

Йола и гости подсели к полотну. Места возле «столов» заняли все ориенты: рядом со стариками теснились дети и молодёжь. И странно – никто не разговаривал.

Из чёрного зева пещеры тянуло приятной прохладой. Шум волн звучал чётче, чем возле моря. Адэр выбирал из рыбы кости и пытался сосчитать, сколько людей в лагере, но постоянно сбивался. Навскидку ориентов было намного меньше, чем он ожидал увидеть.

– Где твоя семья? – спросил Адэр.

Йола обвёл рукой вокруг себя:

– Вот.

– У тебя есть дети и внуки?

– Ориенты – сёстры и братья.

Адэр отодвинул тарелку. Перед ним поставили черепяную плошку с водой и протянули жёсткое полотенце. Такая же плошка появилась перед старейшиной.

Йола помыл руки и встал:

– Теперь поговорим.

Они расположились на днище перевёрнутой лодки. Лайс опустил на корточки, набрал полную горсть песка, принялся мять в кулаке.

Адэр посмотрел через плечо. Женщины и дети словно испарились. Мужчины скучились возле склона, надеясь, что ветер донесёт до них разговор старейшины с чужаком.

– Йола, – произнёс Адэр. – Ты очень хитрый, я знаю. Но тебе меня не перехитрить.

Йола оглянулся на соплеменников:

– Тот, кто понимает слот, – идите в море.

Старик с реденькими седыми волосами и ещё трое молодых мужчин бросились в воду. Поплыли на глубину, размашисто вскидывая руки.

– Возможно, ракшады захотят напасть на Порубежье, – начал Адэр и заметил, как насто-рожился Йола. – Я сказал – возможно.

– Ракшад, которого забрали люди Крикса.

Адэр кивнул:

– Да, Йола. Всё из-за него. Он очень знатный человек и сейчас находится в моём замке.

Больше я ничего не могу сказать.

– Йола не просит.

– У меня нет армии.

– Йола в курсе.

– Я не знаю, на что решится хазир. Не думаю, что он пойдёт на Порубежье войной. И ошибиться не хочу. Надо, чтобы твои люди день и ночь смотрели не смыкая глаз на горизонт и сообщили в замок, если появятся корабли. – Адэр повернулся к старику. – Ты понял, что я сказал?

– Йола не дурак.

– Мне надо, чтобы твои люди не дали высадиться ракшадам на берег, пока я не приведу своих людей. Понятно?

– Йола слушает.

– Собственно, я всё сказал.

Жмурясь от солнца, Йола потёр кончик носа:

– Всё?

– Да, Йола. Всё.

– Люди вашего отца сожгли наш трёхмачтовый корабль, – проговорил старик без акцента и коверканья фраз. – Мы это слишком поздно поняли и потеряли много друзей. Нам хватит трёх фелюг. По фелюге за мачту.

– Ты со мной торгуешься?

– Нет, мой правитель. Вы сказали, что вам надо. Я говорю о том, что надо морскому народу.

– У меня нет фелюг.

– Хорошо. По берегу раскиданы двенадцать лагерей ориентов. Они разделены землёй, которая принадлежит важным людям. Мы вынуждены плавать друг к другу. Летом – приятно. Зимой, особенно в шторм, – невозможно. Я главный старейшина всего морского народа. Я должен знать, как живёт мой народ.

– Кто вам мешает жить зимой вместе?

– В лагерях мало пещер, а палатки мы убираем. Зимой здесь сильные ветра.

– Так. И что?

– Отдайте нам весь берег.

Хохотнув, Адэр похлопал старика по колену:

– А ты шутник.

– А я не шучу.

– А я не могу забрать землю у дворян.

Йола потёр кончик носа:

– Хорошо. Нам нужен хлеб, фрукты, овощи, посуда, капроновая нить, одежда, молоко и творог детям.

– Думаешь, я не знаю, что вы тайком ходите в селения?

– Вы не дослушали до конца. Больше всего нам нужна свежая кровь. Когда вы спросили, где моя семья, я сказал вам правду – все ориентиры связаны кровным родством. Мы вымирающий народ, мой правитель. Пока мы изгои, к нам никто не придёт и мы никому не нужны.

– Вы не любите чужаков.

– Не любим. Но сейчас у нас с детьми совсем плохо. В этом году мёртвым родился каждый второй ребёнок. Отмените Указ о резервациях.

– Так быстро дела не делаются.

– Вы ждёте, пока мой народ вымрет?

– Я ничего не могу дать вам, кроме благодарности.

Старик встал:

– Йола понял правителя. Йола посоветуется с народом. – И позвал ориентров из моря.

– Ну и жук, – пробормотал Лайс, отряхивая ладони.

Мужчины уселись на песок вокруг старейшины. Йола долго говорил на своём языке – скорее всего, пересказывал разговор с правителем. Потом умолк. Ориентры как воды в рот набрали. Йола подождал, взмахнул рукой. Юноша побежал в пещеру, вернулся с книгой в картонном переплёте. Когда Йола приложил ладонь к груди и опустил на книгу, Адэр невольно сжался – «Откровения Странника»...

Старейшина открыл книгу наугад: разломил, как абрикос, на две неравные дольки. Прочёл молча. Пожевал губы. Что-то сказал соплеменникам и жестом попросил Адэра подойти.

Ориентры потеснились. Адэр сел рядом с Йола. Лайс опустил на короточки за их спинами.

– Ваш ответ, – произнёс Адэр, глядя на раскрытую книгу и пытаясь унять неизвестно откуда взявшуюся дрожь.

– Для того чтобы вам протянули руку, надо протянуть руку первым, – сказал Йола. – Так написано в Священном Писании. Вы этого не сделали, мой правитель.

– Отказывая мне, ориентры переходят на сторону Ракшады.

– В сторону. Ориентры ни к кому не примкнут.

Адэр вскинул голову:

– Йола! Ты только что уничтожил свой народ!

Лицо старика стало похожим на восковой слепок.

– Мы мирный народ, мой правитель. Там, наверху, с нами всякое случается. Мы сами виноваты – нечего покидать свои земли. А здесь... Вы помните рассказ Муна. Вы знаете, как мы умеем воевать. Но с вами воевать мы не будем. И в тюрьмах гнить мы не будем. И наши жены не будут ублажать переселенцев за кусок хлеба. И наши дети не будут просить милостыню. Если вы пойдёте против нас, мой правитель, море станет нашей братской могилой.

Адэр поднялся, окинул ориентров взглядом – суровые лица, тела как пружины. Они понимают слог!

– Вас уже нет. Секунду назад были, а сейчас здесь пусто, – сказал Адэр громко. – Но морской народ ещё может воскреснуть. Дверь ещё открыта. У вас есть время подумать, пока я её не закрыл. – И, более не произнеся ни слова, покинул лагерь морского народа.

Он шёл по зыбкой границе между берегом и морем, не чувствуя ударов волн, пытающихся сбить его с ног. Не видел сиреневого неба на горизонте, не слышал тревожного крика чаек, не ощущал ядрёного запаха неминуемого шторма. Все чувства исчезли, непонимание происходящего истребило мир.

Подойдя к скале, Адэр вскарабкался по выступам до верёвки, затянул петлю, выбрался на край обрыва и, глядя в мертвенно-белые лица Исанохи и Ютала, снял петлю с шеи.

~ 3 ~

В окно врвался шум проснувшегося города. Малика приподняла руку и уронила на подушку. Тело не слушалось. Мысли мелькали и безвозвратно исчезали.

– Давайте-давайте, царапайте паркет, – послышался из коридора недовольный голос. – Царапайте, пока хозяйка не видит. А потом она спросит: ты куда, Таали, смотрел? И что ей ответить?

В дверь постучались.

– Малика! Ты нам нужна, – раздался голос Вельмы.

– Сейчас. – Она с трудом села. – Я сейчас.

Прохладный душ не помог. Насилу одевшись, Малика вышла из комнаты и оказалась в окружении художников. Тяжело дыша и не понимая, о чём они говорят, смотрела на клетчатые рубахи и шапочки с помпонами и думала, что должно быть какое-то средство, приводящее в чувства после безумных ночей Адэра. Таали сообразил, что ей плохо. Ввалил на себя обязанности переговорщика и только поглядывал на хозяйку, ожидая кивка или одобряющей улыбки. Наконец художники разбрелись по гостиничным номерам. Таали побежал на третий этаж – там что-то грохнуло.

– Опять кошмар? – спросила Вельма.

– Не выспалась. – Малика пригладила волосы. – Чем займёмся?

– Цветами.

– Какими цветами?

– Я послушала художников. Они правы. Здесь не хватает цветов. Зря Таали с ними спорит. Нам нужен человек, который будет привозить цветы. А ещё лучше – тот, кто их выращивает.

– Этим займётся Йашуа.

– До чего же ты упрямая! У Йашуа дел невпроворот, а ты хочешь ещё и цветы на неё повесить. – Вельма горячо зашептала Малике на ухо: – Я познакомилась с одним художником...

Малика отшатнулась:

– Вельма!

– Что – Вельма? Он предложил мне позировать. Обещал хорошо платить.

– Личная служанка правителя не может быть натурщицей.

Вельма поправила кружева на лифе платья:

– Я так ему и сказала.

– Скоро за мной приедет маркиз. Шла бы ты к тётке. Таали тебя проводит.

– Я разузнала у художника, где можно заказать цветы.

– Опять ты со своими цветами! Я не успею вернуться до полудня.

– Это недалеко, – упорствовала Вельма. – Мы мигом, туда и обратно. Идём!

Столичным жителям пройти десяток кварталов – плёвое дело, но Малике, которая ходила только по коридорам замка и аллеям в саду, казалось, что дом цветовода находится на

окраине вселенной. Миновав пятый перекрёсток, Вельма сникла, отводила глаза и покусывала губы.

Малика сначала ворчала, потом сжалась над девушкой:

– Прекрати себя корить. Если пойдёшь быстрее, мы успеем.

Прохожий подсказал, как сократить путь. Малика и Вельма двинулись по тропке, петляющей между заброшенными строениями. Пару раз повернули и упёрлись в дом с двумя окнами, смотрящими на улицу. По обе стороны от дома тянулась изгородь из высоких кустарников. В углу входной двери нарисован букет роз.

– Точно здесь? – спросила Малика.

– Точно! – Вельма указала на рисунок. – Это он нарисовал.

– Кто?

– Кто-кто? Мой художник. Ты сегодня как замороженная.

На стук в двери и окна никто не откликнулся. Малика закрутилась на месте. Забраться в такую даль – и зря!

– Наверное, он в саду, – предположила Вельма.

Малика пошла вдоль изгороди. Потеряв надежду что-либо рассмотреть сквозь густые заросли, крикнула:

– Хозяин! Хозяин, вы дома?

– Иду, – послышался звонкий голос.

– Я же говорила, – рассмеялась Вельма.

Через пару минут дверь дома открылась. Малика невольно залюбовалась хозяином: рослый, статный. Открытое лицо и широко распахнутые зелёные глаза выдавали мягкий нрав.

Держа перед собой вымазанные землёй ладони, молодой человек широко улыбнулся:

– Прошу вас, проходите. – И, придерживая плечом дверь, посторонился.

Пока хозяин бряцал за стеной умывальником, Малика осматривала комнату. По всем признакам в доме жил холостяк. Лампочка под потолком засижена мухами, которые умерли явно своей смертью – от жары и духоты. На израненном ножом столе, рядом со стопкой журналов по цветоводству – чашка с отбитой ручкой и тарелка с куском чёрствого хлеба. В углу чугунная печка, на плите засохшая молочная пенка. На полочке у зеркала нет даже расчёски. На вешалке мужская куртка. В передней стене обитая дерматином дверь.

– Я Лилан.

Малика оглянулась. Упираясь крепким плечом в дверной косяк, хозяин вытирал полотенцем руки.

– А я Малика.

– Хозяйка гостиницы? Наслышан-наслышан. – Лилан направил взгляд ей за спину. – А вас как зовут?

– Вельма, – послышался томный голос.

Малика едва не скорчила гримасу. Стóбит встретить красивого мужчину, как Вельма сразу забывает о скромности и гордости.

– Чем обязан? – спросил Лилан.

Малика коротко поведала о цели визита, надеясь, что хозяин скажет, что они ошиблись адресом, или откажется от её предложения, и они уйдут – от Вельмы исходил уже нешуточный жар и смущал Малику, будто это она, а не пассия Адэра, истекает порочным соком.

Лилан бросил полотенце на стол, чем вызвал улыбку (точно так же один из заместников бросал маленький мяч в корзину для мусора), и открыл дверь, обитую дерматином.

– Прошу.

Если бы кто-то сказал Малике, что за изгородью из неряшливых кустов находится настоящий цветник, она бы не поверила. Лилан не походил на садовников из замка Адэра. В белой

рубашке с подвёрнутыми рукавами, с отросшими до плеч волосами, он напоминал поэтов, которых она видела в городском парке.

Лилан обвёл цветник рукой:

– Выбирайте.

Наслаждаясь воцарившимся в душе покоем, Малика брела между клумбами. Вдыхала пьянящий аромат, притрагивалась к нежным лепесткам и жалела, что не видит их настоящего цвета. Заметив чертополох под забором, вспомнила о маркизе Безбуре и заторопилась обратно.

Представшая взору картина заставила застыть на месте. Склоняясь над Вельмой, Лилан что-то нашёптывал ей на ушко, не зная, куда деть руки. То прятал их за спину, то опирался на стену дома. Не удержался и за локоток притянул Вельму к себе. Она смущённо отвела глаза, закусила губу.

Малика покашляла. Лилан шагнул назад и принял нарочито серьёзный вид.

– Лилан, с вами будет вести дела Йашуа, – сказала Малика. – У меня, к сожалению, нет на это времени. Я скажу вам её адрес.

– Я знаю. Иногда я помогаю ей украшать залы.

Пройдя через комнату, Малика распрощалась с Лиланом, а когда вышла на крыльцо, услышала, как за спиной тут же закрылась дверь. В растерянности потопталась под окнами. Сжала кулаки. Ну и пусть! Пусть остаётся. Таали выкинет сундук и не пустит Вельму на порог.

Вельма догнала её за несколько домов до гостиницы.

– Малика! Посмотри, – произнесла она, запыхавшись. – Мне впервые подарили цветы.

Взглянув на пёстрый букет, Малика пожала плечами. Надо же быть такой дурой! Стоит кому-то шепнуть на ушко ласковое слово – и Вельма согласна на всё.

– Ты можешь хоть раз за кого-то порадоваться? – обиделась Вельма.

– Я рада за Лилана.

– Почему ты такая злая?!

Малика поднялась по мраморной лестнице, открыла перламутровую дверь:

– Чтобы через пять минут твоего духу здесь не было!

До приезда маркиза оставалось не более получаса. Малика привела себя в порядок и, пытаясь перебить мысли о Вельме, ещё раз подсчитала предстоящие расходы на гостиницу.

В вестибюле переминался с ноги на ногу Таали. Увидев Малику, поспешил ей навстречу:

– Когда вас ждать?

Она отдала ему чемодан:

– Через неделю.

– Ваша подружка остаётся?

Малика развернулась и, горя негодованием, проследовала в комнату Вельмы.

Она сидела на сундуке, обнимая букет. Подняла заплаканные глаза:

– У нас с Лиланом ничего не было.

– Мне всё равно.

– Он поцеловал меня, потом попросил подождать. И принёс вот это. Я не могла уйти. Он был в цветнике. Просто так уходить неприлично.

– Вельма! Мне всё равно.

– И у меня нет никакой тётки.

– Знаю.

– Откуда?

– Догадалась.

Вельма уткнулась носом в цветы:

– Я сбежала из замка.

– Как – сбежала?

– А вот так. Написала правителю записку и ушла.

– Вельма, что случилось? Тебя кто-то обидел? Не молчи! Из-за кого ты сбежала?

– Из-за правителя.

– Что случилось?

– Мне очень плохо. – Вельма зарылась лицом в букет и всхлипнула. – Я давно хотела с тобой поговорить, но не решалась. Думала, ты будешь смеяться.

Малика села на сундук, обняла её за плечи:

– Не буду. Обещаю.

– Мне стыдно.

– Если не хочешь, не говори.

Вельма подняла голову:

– Он никогда не называет меня по имени. Для него я – «эта служанка». Собака, которую можно погладить и прогнать. Иногда я боюсь его. Просыпаюсь ночью, а он стоит у окна и скрежещет зубами. Это так страшно. Порой думаю: «А если не идти к нему? Вдруг не вспомнит обо мне?» Но он посылает за мной стража. А сам садится на подоконник и сидит до утра. И глаза у него как у затравленного зверя. Так и сверкают.

– Зачем он тебя зовёт?

– Не знаю. – Вельма опустила голову Малике на плечо. – Наверное, ему скучно.

Откровение девушки озадачило. Адэр и раньше не блистал галантностью и сдержанностью, а последнее время вёл себя и вовсе непредсказуемо. Какие тревоги его гложут, лишая сна и последних крох выдержки?

Малика прижала ладонь к сердцу. На месте Вельмы или другой несчастной девушки может оказаться она, и никого не будет рядом, чтобы заступиться за правителя. Пора уходить... Но как долго она проживёт вдали от него?

Из коридора донёсся голос Таали:

– Малика! За вами приехали.

– Иду.

– Можно мне остаться в гостинице? – спросила Вельма. – У меня совсем нет денег, но я продам платье. Я тебе заплачу. Позже.

– Мне ничего не надо, Вельма, кроме твоего обещания.

– Всё что угодно, Малика!

– Если тебе захочется мужчину, ты соберёшь вещи и уйдёшь.

– Навсегда?

– Навсегда, Вельма.

– Клянусь!

– Мне не нужны клятвы. Просто пообещай. Пообещай мне, моруне.

– Так это правда, что о тебе говорят?

– Кто говорит?

– Все. На кухне, в прачечной. Все. Но я им не верю. Я-то знаю, какая ты добрая. – Вельма сжала Малике руку. – Почему ты дрожишь?

– Я не дрожу.

– Дрожишь, Малика! Я чувствую.

Она высвободила ладонь:

– Обещай или забирай свой сундук и уходи!

Вельма кивнула:

– Обещаю, Малика. Обещаю!

Вслед за Таали она вышла из гостиницы и указала на сверкающее как солнце здание:

– Это «Дэмор», Таали. «Убежище морун». Моё убежище. Если кто-то его осквернит, спрошу с тебя.

Вложила распорядителю в руку кошелёк, забрала чемодан и спустилась с лестницы.

Торопиться было некуда – с новыми идеями и предложениями советники соберутся завтра утром, а потому маркиз Безбур приказал Драго поехать по асфальтированной дороге, ведущей в Тезар. Чистый воздух и вид за окном – раздольные селения, ухоженные поместья и колосящиеся поля – стоили того, чтобы провести в пути два лишних часа.

Автомобиль покотился по улице последнего на их пути городка; за ним начиналась пустошь. Ветер приносил из степи горький запах полыни. Выпавшее из зенита солнце пронзало жгучими лучами лобовое стекло, покрытое тонким слоем клейких порошинок.

Безбур промокнул платочком лоб, вытер шею:

– Я не прочь выпить стаканчик холодного сока. Как вы на это смотрите, Малика? – Не дожидаясь ответа, велел стражу остановиться возле первого же приличного заведения.

Драго затормозил перед белокаменным домом на высоком цоколе. Перила крыльца и балясник крытой террасы оплетало ползучее растение с ярко-красными цветами.

– Посмотри, есть ли свободные места, – приказал маркиз стражу.

Тот выбрался из автомобиля, взлетел по ступеням и скрылся за балясником. Через минуту вернулся:

– На террасе два столика, мой господин. Внутри пять.

Безбур открыл дверцу:

– Вы идёте, Малика?

– Я посижу, – ответила она, разглядывая прохожих.

Не обращая внимания на пекло, по тротуарам важно вышагивали главы семейств в сопровождении жён и детей в белых панамках. Женщины держали над собой цветастые зонтики и обмахивались веерами. Все шли почему-то в одну сторону и скрывались за поворотом. Вдруг оттуда появился мужичок на велосипеде: оранжевый костюм в золотую полоску, на голове колпак с колокольчиком, лицо разрисованное, как у куклы.

– Спешим, господа и дамы! Спешим! – кричал он, крутя педали. – Последний день страха и смеха. Спешим! Самый большой парк развлечений на колёсах закроется через пять часов. Спешим, господа! Последний день!

Малика проводила его взглядом и вышла из машины:

– Драго, ты был в парке развлечений?

Стоя на лестнице, страж облокотился на перила:

– Был.

– И что там?

Драго пожал плечами:

– Развлечения.

– Я пройду.

– Далеко не уходите. Скоро поедem.

Малика перебежала через дорогу. Следуя за небольшим семейством, свернула на соседнюю улицу и не успела опомниться, как толпа подхватила её и потащила за собой. Вдруг поток остановился. По бокам толкались, сзади напирали, спереди ругались. Вытянув руки с зонтами, женщины возмущались. Дети радостно пищали.

В конце улицы возвышалось непонятное здание, обтянутое выгоревшим брезентом. На длинных шестах трепыхались на ветру разноцветные флажки-треугольники и крутились флюгера в виде бронзовых чаек. Из здания доносились взрывы хохота и режущая слух музыка, состоящая из стука, звона и писка.

Работая локтями, Малика с трудом вырвалась из плена людей, разгорячённых давкой и изнывающих от духоты. Пробежала по завядшему газону, сняла туфли и забралась на скамью.

То, что она приняла за здание, оказалось сооружением из стоящих вплотную друг к другу высоких, крытых брезентом повозок. Посередине виднелся узкий проход. О размерах парка можно было только догадываться.

– Можем сходить, посмотреть, – прозвучал голос Драго.

Малика покосилась на стража, сидящего на корточках в реденькой тени дерева с поникшей кроной. Спрыгнула со скамьи:

– Давно ты за мной следишь?

Драго поднялся:

– Маркиз встретил знакомого. У нас есть полчаса.

– Мы не успеем дойти даже до входа.

Драго вытащил из кармана жетон, закрепил на груди:

– Не отставайте, советник. – И устремился вперед, выкрикивая во всё горло: – Дорогу стражу порядка! Дорогу, мать вашу так!

Толпа всколыхнулась, сжалась и лопнула, как переспевшая слива.

Драго шёл огромными шагами. Малика еле успевала за ним. В какой-то миг её охватил страх: люди сомкнутся за широкой спиной стража, и она останется одна, совершенно одна в людском море, которому нет до неё дела. Малика схватила Драго за руку. Он бросил через плечо недоумевающий взгляд и сжал её ладонь.

Вход в парк был обнесён решёткой, подпёртой изнутри железными прутьями. Возле закрытой калитки стоял детина.

– В очередь, все в очередь, – раздавался его пронзительный голос. – Пускаю по десять человек.

– Считаю детей? – спросил кто-то из толпы.

– Если на руках – считать не буду. Готовим деньги, господа.

– А деньги-то в машине... – сникла Малика.

Драго зычно крикнул:

– Дорогу стражу порядка! Расступись!

Через пять секунд толпа вдавила их в калитку. Драго был невысокого роста, но его мускулистая фигура, режущий взгляд и сверкающий жетон произвели должное впечатление. Дитина открыл дверцу и тихо буркнул: «Выход с другой стороны». Драго кивком указал на Малику: «Она со мной». И они вошли в парк развлечений.

Крытые брезентом повозки образовывали внушительных размеров круг, дальняя сторона которого темнела в знойной дымке. Между разноцветными шатрами мельтешила разношёрстная публика, со смехом носилась детвора, за ней бегали няньки и мамки. Зазывалы в оранжевых костюмах размахивали руками, потешно разодетые люди жонглировали яблоками и початками кукурузы. Там и тут пиликали скрипки, звенели бубны, цокали тарелки и били барабаны. Возле входа возвышался столб с множеством указателей: «Молот», «Лабиринт», «Пещера», «Крысиные забеги», «Битва подушками», «Восковые люди»...

Драго почесал затылок:

– М-да... Надо пробираться к выходу. – Протянул Малике руку. – Можно?

Она вложила пальцы в горячую ладонь и попросила:

– Только не так быстро.

Со всех сторон попеременно с какофонией, рождаемой музыкантами, неслись вопли, хохот, улюлюканье и свист. Рядом хлопала хлопучка – Малика подпрыгивала от неожиданности. С неба сыпалось конфетти – смеялась. Мимо проходили на ходулях клоуны – звучно втягивала в себя воздух.

– Я видел вас в зале Совета, – сказал Драго, когда Малика остановилась, чтобы посмотреть на попугая. – Я стоял в карауле.

Она постучала пальцем по клетке; попугай поднял хохолок.

– Там вы совсем другая.

Малика улыбнулась:

– Там я занимаюсь занудством. Самой противно. – Увидела вывеску на шатре. – Драго, что находится в комнате смеха?

– Зеркала, в которых ты выглядишь как урод.

– Это смешно?

– Наверное.

– Ты смеялся?

– Нет, – ответил Драго и потянул её за собой.

– А в комнате страха? – спросила Малика, заметив вывеску на большой палатке.

– Там темно, и тебя пугают идиоты в уродливых масках.

– Тебе было страшно?

– Нет, – улыбнулся Драго.

– Врунишка! Ты боялся!

– Нет, Малика.

– Тебя выдала улыбка.

– Я вспомнил, как вы взяли меня за руку, а я от страха чуть в штаны не наложил.

Сбоку раздался звонкий голос:

– Человек-рыба! Человек-рыба!

– Кто это – человек-рыба? – спросила Малика.

– Да никто, – ответил Драго. – На тебя надевают резиновый костюм с плавниками и скидывают в надувной бассейн.

– В чём интерес?

– Никакого интереса.

С другой стороны донеслось:

– Молот для настоящих мужчин. Подарок для детей. Не проходите мимо!

– Давай хоть что-нибудь посмотрим! – взмолилась Малика. – Я была в парке развлечений и ничего не видела. Это нечестно!

– Ну разве что молот. Возле бассейна водой обольют.

Люди толкались вокруг непонятного железного предмета, похожего на литую подставку для цветочного вазона.

Драго наклонился к Малике и сказал тихо:

– Это наковальня. Только здесь, в центре, тарелка на пружине.

К наковальне был приделан стоячий шест с натянутой проволокой. Наверху, на металлической пластине, лежала плюшевая собака. Дети не сводили с неё восторженных взглядов, а главы семейств уговаривали их пойти покататься на пони.

– Один удар, и приз ваш, – подзадоривал публику зазывала, придерживая за рукоятку стоящий на земле молот.

Вперёд вышел человек с массивной фигурой, засучил рукава прилипшей к спине рубашки, поплевал на ладони. Толпа затаила дыхание. Мужчина напыжился, с трудом поднял молот и с размаху опустил его на наковальню. Чугунный шарик взлетел вверх по проволоке и опустился, не достигнув середины шеста. Толпа разочарованно выдохнула.

– Ещё разок, папаша, – произнёс зазывала. – И вашему сынишке повезёт.

– Не повезёт, – прошептал Драго.

– Почему? – спросила Малика.

– Собака прикручена.

Зазывала, видимо, услышал его слова или просто решил удержать приунывшую публику, которая уже начала расходиться.

– Приветствуем стража! – сказал он и захлопал в ладони.

Драго попятился.

– Куда же вы? Не стесняйтесь! – крикнул зазывала. – Покажите всем, какие в нашей стране стражи порядка. Или слабо?

Люди зашептались, захихикали.

– Драго, уходим, – еле слышно проговорила Малика.

А зеваки уже подпирали сзади, галдели и рукоплескали.

– Пока вы на службе, кто охраняет вашу даму? Подарите ей собаку, – пробивался сквозь гомон настойчивый голос.

Драго жестом успокоил Малику и подошёл к наковальне. С трудом поднял молот. Лицо покраснело, на шее вздулись жилы. Публика умолкла. Наковальня отозвалась на удар гулким стоном, шарик взметнулся по проволоке, замер чуть выше середины шеста и ринулся вниз. Зеваки засвистели. Драго взял Малику за руку и смешался с толпой.

На повозку возле выхода из парка был натянут холст: солнце, чайки, море, белый песок. Перед морским пейзажем на перевёрнутой прогулочной лодке сидела обнажённая до пояса смуглая девушка. От пальчиков ног и до пупка переливался перламутром рыбий хвост – чешуйка к чешуйке. Необыкновенно длинные волосы стекали по плечам и по днищу лодки на землю, оставляя грудь открытой.

Малика споткнулась. Возникший из-за спины толстяк расплылся в улыбке:

– Фото на память?

Глядя на девушку, Малика покачала головой.

Фотограф повернулся к Драго:

– С вами она примет любую позу. У нас есть ширма. Нести?

– Идём, Малика, – прошептал страж.

– Уведи его, – попросила она.

Драго взял фотографа под локоть, отвёл в сторону и что-то сказал ему на ухо. Толстяк хихикнул.

– Разве для этого рожала тебя мать? – произнесла Малика.

Девушка подняла бездонные глаза цвета морской волны.

– Ты позоришь свой народ, ориентка!

Девушка побледнела.

– Я не могу поверить, чтобы дочь гордого народа...

– Я отреклась от него, – перебила девушка и обратила взгляд в глубь парка.

Уже ступив в тень проёма между повозками, Малика резко развернулась и направилась обратно.

– Вы куда? – крикнул Драго и побежал за ней.

Локтями прокладывая себе путь через толпу, она обходила шатры.

– Малика! Это не смешно! – возмутился Драго. – Если маркиз пожалуется Криксу...

Она схватила его за грудки и притянула к себе:

– Я старший советник! Ты подчиняешься мне, а потом уж Криксу.

Драго зыркнул по сторонам:

– Малика, на нас смотрят. – Разжал её пальцы, одёрнул рубаху. – Что вы ищете?

– Не знаю. – Она закрутилась на месте. Глядя на столб с указателями, замерла. – Где человек-рыба?

Зазывалы указывали то вправо, то влево. Малика и Драго метались из стороны в сторону, пока не наткнулись на очередной столб со стрелками.

На самом солнцепёке, на приземистой тележке стоял высокий, в рост человека, стеклянный куб, заполненный доверху водой. В углу куба сидел, скрючившись, длинноволосый тощий мужчина, затянутый в резиновый костюм с плавниками. Красные стопы и кисти рук были покрыты волдырями.

– Восковая кукла, – объяснил Драго.

– Ты так думаешь?

– Сами посмотрите. – Страж указал на два узких отверстия в кубе, снизу и сверху, закупоренные пробками. – Человек в них не пролезет.

Малика прильнула лбом к стеклу, чтобы разглядеть лицо мужчины, и тотчас отпрянула:

– При какой температуре размягчается воск?

– Тридцать восемь градусов.

– Здесь намного больше.

Драго приложил к стеклу ладонь:

– Значит, я ошибся. Не из воска, из чего-то другого.

Люди огибали аквариум и уходили, а Малика не могла оторвать взгляд от худых как палочки рук и ног с длинными загнутыми ногтями.

– Малика! Прошу вас, пойдёмте.

– Зачем им кукла, на которую противно смотреть?

– Это парк развлечений. Люди здесь развлекаются.

– Глядя на уродов?

– Ну, лентяй! – раздался ворчливый голос. – Только отойдешь, как он сразу валится спать.

Зазывала принялась бить по кубу молоточком. «Восковая кукла» переместилась в другой угол, рванула вверх, ударилась о стекло и распласталась на дне.

Зазывала продолжал стучать:

– Человек-рыба! Подходим! Человек-рыба!

Толпа прибывала. Каждое движение человека-рыбы встречалось дружными охами. Дети верещали от восторга.

Малика обернулась:

– Над чем смеётесь? Он варится, а вам смешно?

Женщина притянула к себе девочку:

– Вы испугали ребёнка. Как вам не стыдно!

Публика заволновалась. Одни требовали увести полоумную, другие выплёвывали ругательства, кто-то барабанил кулаками по аквариуму.

Драго взял Малику за локоть:

– Ориенты вне закона.

– А ты?

Драго потащил Малику за собой:

– Хотите, чтобы вас разорвали? Это толпа! Толпа – зверь!

Она вырвалась. Расталкивая людей, понеслась, на бегу спрашивая зазывал, где найти хозяина парка. Страж нёсся следом, выкрикивая: «Собачку не видели? Кто видел маленькую собачку? Посмотрите под ногами».

Малика взбежала на дощатое крыльцо. Едва не сорвав с дверного проёма полог, влетела в фургон под качающимся на ветру зонтом.

Из открытого окна напротив входа открывался вид на пустошь. Стены и потолок помещения обиты гобеленом. На полу бархатное покрывало. Среди подушек возлежал пожилой мужчина с нездоровым румянцем на впалых щеках, облачённый в шёлковый халат. Сидя на

пятках, полуобнажённая девушка поглаживала его бледно-жёлтые ноги с фиолетовыми дорожками выпирающих вен. Стоя за подушками, верзила взмахивал большим, причудливой формы веером, прикреплённым к золотистой рукоятке.

Мужчина отставил стакан с каким-то напитком и воззрился на Малику:

– Что надо?

– Вы хозяин парка?

– Ну я.

– Отдайте мне ориентов.

Хозяин поманил её пальцем. Малика приблизилась. Хозяин вновь поманил пальцем. Решив, что мужчина плохо слышит, она наклонилась и открыла рот, намереваясь повторить фразу.

– Ты кто? – спросил хозяин насмешливым тоном.

Малика резко выпрямила спину и указала через плечо на Драго:

– Я с ним.

– А он кто?

– Он страж.

– Верни им деньги за вход, и пусть гуляют, – сказал хозяин верзиле и откинулся на подушку.

Тот засунул руку в карман хозяйского халата.

– Нам не нужны деньги, – произнесла Малика. – Мы ищем беглецов из резерваций.

Хозяин небрежным жестом приказал верзиле махать веером:

– В моём парке нет беглецов.

– Есть. Мы видели.

– Всё, что вы видели, – моя собственность.

– А если я заплачу?

– С каких это пор ищейки стали платить?

– Я хорошо заплачу.

– Разве что натурой, милочка.

Малика опустила руку на край покрывала. Перебирая пальцами скользкую ткань халата, направила руку к паху хозяина:

– Я очень хорошо заплачу.

Он стиснул её запястье. Маслено улыбаясь, притянул Малику к себе:

– Попробуй меня удивить, дорогуша.

Она высвободила руку:

– Удивлю. Даже не сомневайтесь.

Малика стояла в тени шатра, слушала весёлый гул толпы и считала минуты. Страж уже должен был добежать до машины, достать из чемодана кошелёк и вернуться. А его всё не было.

Через час-другой солнце нырнёт за крыши повозок. Сумерки не принесут желанной прохлады и уж точно не успокоят сердце. Много веков назад, перед тем как поселиться на этих землях, люди обещали морунам любить и поддерживать друг друга. Разве думали хозяйки земель, что люди превратятся в зверей? Нет, звери не испытывают радости при виде страданий себе подобных.

Наконец из-за палатки появился Безбур. За ним тенью следовал Драго.

– Я чуть с ума не сошёл! – воскликнул маркиз. – Думал, с вами что-то случилось. – Подойдя к Малике, прошептал в ухо: – Страж рылся в ваших вещах.

Драго незаметно вложил ей в ладонь кошелёк и шепнул в другое ухо:

– Он сам за мной увязался.

Малика вошла в фургон, оставив спутников снаружи, и бросила кошелек хозяину на колени.

– Ты не поняла? – произнёс он. – Я беру натурой.

– Это залог. Я за ним вернусь.

Хозяин вытряхнул из кошелька на ладонь чёрную жемчужину, быстро сжал в кулаке и кивнул верзиле:

– Проследи, чтобы им никто не мешал.

Через пять минут Драго выхаживал вокруг куба. Ориент свернулся бубликом в углу аквариума и неотрывно смотрел на Малику. А она прижимала ладони к стеклу и с трудом сдерживала слёзы. Толпа с интересом наблюдала за происходящим.

– Вы делаете из нас посмешище, – недовольно пропыхтел Безбур. – Вам не избежать разговора с правителем.

– Помолчите, – бросила Малика. – Драго, ну что?

– Многослойное, ударостойкое. Так просто не разобьёшь.

– Зачем же такое стекло поставили?

– Они возят аквариум по всей стране. В дороге всякое может случиться.

– Сколько он так сидит? – обратилась Малика к зазывале.

– С утра, – ответил он тоном, каким обычно говорят люди, лишаясь работы.

– В аквариуме сколько сидит?

– При мне три года.

Малика обхватила лоб раскалённой ладонью:

– Три года... Драго! Вытаскивай пробки.

– Нельзя.

– Его надо остудить.

– Без воды будет только хуже.

– Мы меняем воду. – Малика кивнула зазывале. – Давай шланг.

– Он короткий. Колонка возле крайнего дома.

– Как его дотащить?

– Впрягай стража в тележку, пусть тащит, – раздался голос верзилы.

– Драго, – прошептала Малика. – Пожалуйста.

– Не могу.

– Никто не догадается, что ты ветон.

Страж притянул её к себе за локоть:

– Не хочу рисковать. Тем более из-за ориента.

Малика выдернула руку:

– Не смей ко мне прикасаться! Я подозревала, что ветоны – мелочный и трусливый народ.

Теперь я это знаю точно.

Серые глаза вспыхнули металлическим блеском и потемнели.

– Расступись! – накинудся Драго на зевак. – Расступись, мать вашу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.